

СВОБОДНОЕ ЗНАНИЕ

Собрание общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ
подъ редакціею проф. Э. Д. Гримма, проф. Л. І. Петражицкаго, пр.-доц. В. В. Си-
ловскаго и проф. В. М. Шимкевича.

ПОЧЕМУ НЕ ГОВОРЯТЪ ЖИВОТНЫЯ

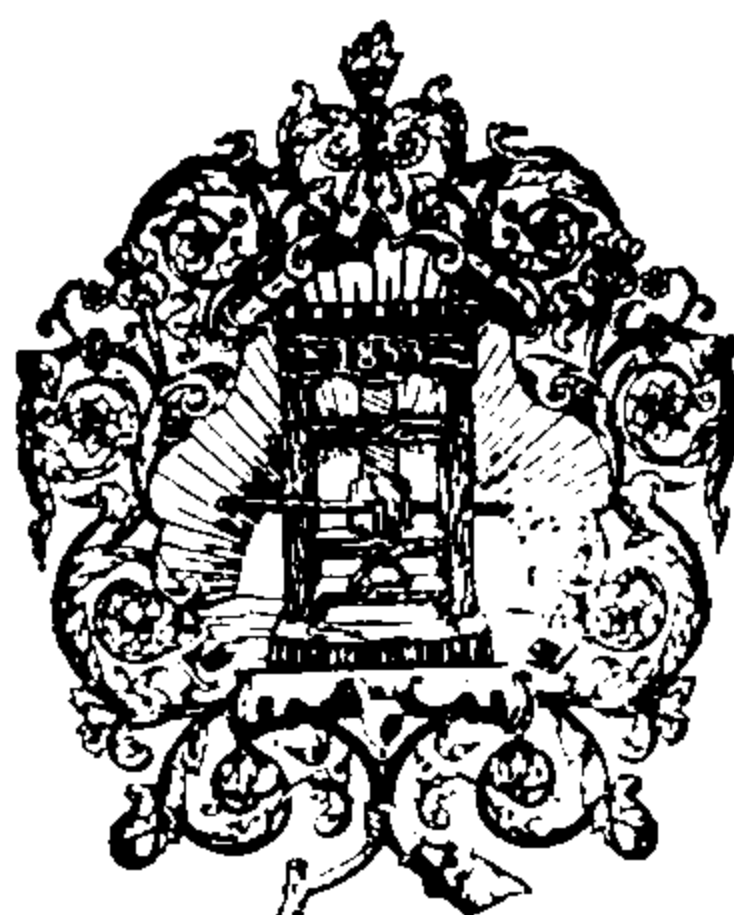
ПОЧЕМУ НЕ ГОВОРЯТЪ
ЖИВОТНЫЯ

—
КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЯЗЫКА
—

А. Л. ПОГОДИНА
профессора Варшавскаго университета

ИЗДАНИЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

ПЕЧАТЬ СТИХОГРАФІИ
Г-на М. О. ВОЛЬФЪ
С-ПЕТЕРБУРГЪ · ВАС. ОСТР. · 16-ЛІНІЯ СОВ. ДВОУ.

ПОЧЕМУ НЕ ГОВОРЯТЪ ЖИВОТНЫЯ?

(Посвящается Владиміру Александровичу Вагнеру).

Изъ литературы предмета.

Множество фактовъ, рисующихъ психическую жизнь животныхъ, можно найти въ общихъ и монографическихъ трудахъ по зоологіи, въ спеціальныхъ журналахъ, посвященныхъ пчеловодству, скотоводству, различнымъ отраслямъ природовѣдѣнія. Кромѣ того, въ курсахъ по психологіи (напр., Селли, Джемса, Рабье и др.) разсматриваются вопросы объ инстинктѣ и другихъ сторонахъ психической жизни животныхъ. Болѣе спеціальная литература до 1879 г. перечислена въ названномъ ниже трудѣ Линдсея, болѣе новая отчасти упомянута въ книгѣ Грооса или въ статьѣ Р. Минкевича, литература о муравьяхъ у Бете и т. д. Исторія вопроса изложена Перти, Бюхнеромъ, Вл. Вагнеромъ, Шульце и др., методологія зоопсихологіи (психологіи животныхъ) разработана въ статьяхъ Вл. Вагнера о субъективномъ и объективномъ методахъ въ этой наукѣ, въ его лекціяхъ, а также въ книгѣ Васмана объ инстинктѣ, въ статьѣ Клапареда, въ работахъ Бете, Циглера и т. под. Ниже приведена библіографія вопроса, литература котораго разростается чрезвы-

чайно быстро. Въ приведенныхъ ниже сочиненіяхъ легко найти дальнѣйшія литературныя указанія по отдѣльнымъ вопросамъ.

С. Т. Аксаковъ. Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи. Полное собраніе сочиненій т. VI. С.-Петербургъ. 1886 (Среди чисто охотничьихъ совѣтовъ и замѣчаній о томъ, какъ стрѣлять ту или другую птицу, С. Т. Аксаковъ, отличный знатокъ жизни природы, помѣстилъ рядъ очень цѣнныхъ и тонкихъ наблюденій относительно быта разнаго рода птицъ).

Altum. Der Vogel und sein Leben. 7 Aufl. 1903 (одно изъ лучшихъ общихъ сочиненій о жизни птицъ, принадлежащее перу противника антропоморфизма).

P. Ballion. De l'instinct de la propreté chez les animaux. 2-e éd. Bazas. 1895. (Книга Балліона, о которой упоминаетъ Васманъ въ сочиненіи «Instinct und Intelligenz», рассматриваетъ очень любопытный вопросъ объ инстинктѣ чистоты у животныхъ, о чемъ ср. Моргана «Привычка и инстинктъ», стр. 52—53).

A. Bethe. Dürfen wir den Ameisen und Bienen psychische Qualitäten zuschreiben? Bonn. 1898 (Книга Бете, доказывающая, что муравьи и пчелы поступаютъ совершенно механически во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда будто бы обнаруживаются ихъ высокія умственныя способности,—вызвала обширную полемику со стороны Васмана, Фореля, Клапареда и др., которая выяснила крайность основной точки зрѣнія этого ученаго).

A. Bethe. Das Centralnervensystem von Carcinus maenas. Archiv f. Mikroskop. Anatomie. Bd. 51. 1898 г. (о нервныхъ центрахъ у раковъ).

H. Buttel-Reepen. Sind die Bienen «Reflexmaschinen»? Biolog. centralblatt. Bd. 20. 1900 г. (Критика теоріи Бета).

A. Brehm. Tierleben. Allgemeine Kunde des Tierreichs. (рус. переводъ «Жизнь животныхъ» очень извѣстное сочиненіе, проникнутое крайнимъ антропоморфизмомъ въ объясненіи жизни животныхъ ср. *A. Погдинъ*, Нужно-ли давать дѣтямъ Брема? Педагогическій листокъ за 1905 г.).

Л. Бюхнеръ. Психическая жизнь животныхъ. С.-Петербургъ. 1902. (Сочиненіе Бюхнера, вышедшее на нѣмецкомъ языкѣ первымъ изданіемъ въ 1876 году и выдержавшее съ тѣхъ поръ нѣсколько изданій, переведенное на многіе европейскіе языки, даетъ однако очень мало цѣннаго для зоопсихологіи, такъ какъ проникнуто самымъ наивнымъ антропоморфизмомъ).

А. М. Быковъ. Списокъ и описаніе коллекціи по біологіи птицъ Привислинскаго края. Коллекціи зоологическаго кабинета Имп. Варш. Унив. III. Варшава. 1896. (Тонкія наблюденія А. М. Быкова надъ жизнью и средствами сообщенія у птицъ даютъ много интересныхъ указаній на характеръ «языка животныхъ»).

E. Claparède. Les animaux sont-ils conscients? (Revue Philosophique. 1901, т. 51). (Доказательство того положенія, что сознательность животныхъ недоказуема такъ же, какъ сознательность человѣка).

C. F. Cornish. Animals at work and play; their activities and emotions, 2-е изд. London. 1897.

Ч. Дарвинъ. Происхожденіе человѣка и половой подборъ. (рус. пер. М. Филиппова). С.-Пет. 1896.

Edinger. Haben die Fische ein Gedächtniss. München. 1899. (Эдингеръ даетъ отрицательный отвѣтъ).

C. Emery. Instinkt, Intelligenz und Sprache. (Biologisches Centralblatt. 1898, т. 18). (Эмери разсматриваетъ, какого рода абстракціи могутъ существовать въ сознаніи животнаго при отсутствіи рѣчи).

А. Эспинась. Соціальная жизнь животныхъ. 2 изд. С.-Пет. 1898 г. (На общества животныхъ Эспинась смотритъ съ антропоморфической точки зрѣнія, почему и взгляды его на рѣчь животныхъ далеко не всегда научны).

Э. Эвансъ. Эволюціонная этика и психологія животныхъ. С.-Пет. 1899. (Одно изъ тѣхъ популярныхъ сочиненій, которое не видитъ никакого основного различія между животными и человѣкомъ и освѣщаетъ душевную жизнь первыхъ съ точки зрѣнія послѣдняго).

Фабръ. Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ. Изъ энтомологическихъ воспоминаній Фабра. С.-Пет. 1898. (Замѣчательно тонкія наблюденія Фабра надъ жизнью насѣкомыхъ, осъ и пчель, освѣщаютъ очень ярко природу инстинкта. Въ изданіи Маркса вышли два тома этого сочиненія).

О. Flügel. Seelenleben der Tiere. 3 Aufl. 1897. (Въ противоположность Брему Флюгель является представителемъ вполне научнаго направленія въ пониманіи психики животнаго).

А. Forel. Die psychischen Fähigkeiten der Ameisen und einiger anderer Insekten. München. 1901. (Форель, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ жизни муравьевъ, авторъ сочиненій «Fourmis de la Suisse» 1874, «Sensations des Insectes» 1900—1901, излагаетъ въ этой брошюрѣ результаты своихъ многолѣтнихъ опытовъ и наблюденій надъ муравьями и пчелами).

Foveau de Courmelles. Les facultés mentales des animaux. Paris. 1890. (Множество расположенныхъ по извѣстнымъ рубрикамъ фактовъ, собранныхъ безъ особеннаго разбора).

P. Garnerz. Язык обезьянъ. С.-Пет. 1899. (Переводъ известнаго сочиненія «The speech of monkeys». Гарнеръ, изучавшій «языкъ» обезьянъ съ помощью фонографа, открылъ будто бы цѣлую систему звуковъ обезьяньей рѣчи. Однако научная цѣнность наблюдений Гарнера крайне незначительна. Къ нѣмецкому переводу этого сочиненія, сдѣланному проф. Маршаллемъ, приложены примѣчанія переводчика, дающія нѣкоторыя любопытныя указанія на способность счисленія у животныхъ. Объ этой способности см. Ribot. *Évolution des idées générales*, стр. 27).

K. Groos. Die Sprache der Thiere, Jena. 1896 (Одно изъ лучшихъ за послѣдніе годы сочиненій по зоопсихологii. Васманъ однако упрекаетъ Грооса въ томъ, что онъ не всегда разборчивъ въ подборѣ фактовъ и въ ихъ объясненіи иногда даетъ мѣсто антропоморфизму).

P. Hachet-Souplet. Le dressage des animaux. Paris. 1895. (Значеніе работъ этого писателя заключается въ его близкомъ знакомствѣ съ міромъ звѣрей, дрессируемыхъ въ циркахъ и звѣринцахъ. Личныя умствованія автора не представляютъ никакой цѣны).

P. Hachet-Souplet. Examen psychologique des Animaux. Paris. 1900.

Höffding. La base psychologique des jugements logiques. (*Revue Philosophique*. 1901, т. 52). (Между прочимъ, Гефдингъ выясняетъ основы «логики образовъ» у животныхъ).

Herbert S. Jennings. Contributions to the Behaviour of Lower Organisms. Carnegie Instit. Public. 1904.

E. Jourdan. Die Sinne und Sinnesorgane der niederen Tiere, deutsch von W. Marschall. Leipzig. 1891. (Сочиненіе Журдана, представляющее анатомическій анализъ орга-

новъ чувствъ у безпозвоночныхъ, обстоятельно реферировано въ названной виже книгѣ Шульце).

Леббокъ. Муравьи, осы и пчелы. Переводъ Д. Аверкіева съ приложеніемъ статьи: «Муравьиные слѣды». Изд. Суворина. С.-Пет. 1885. (Сочиненіе Леббока, представляющее одну изъ извѣстнѣйшихъ попытокъ экспериментальнаго изслѣдованія жизни насѣкомыхъ, даетъ много интереснѣйшихъ фактовъ, но въ освѣщеніи ихъ иногда страдаетъ антропоморфизмомъ).

W. Lindsey. Mind in the lower animals in health and disease. 2 т. London. 1879. (Огромный трудъ Линдсея кишитъ такими-же фактами, какіе приводятся у Бюхнера, Эванса и т. под.).

I. Loeb. Введеніе въ сравнительную физиологію мозга и сравнительную психологію (Одно изъ важнѣйшихъ новыхъ сочиненій по вопросу).

Franz Lukas. Psychologie der niedersten Tiere. Wien und Leipzig. 1905.

Fr. Mauthner. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Stuttgart. 1901, т. 2. «Zur Sprachwissenschaft». (Очень поверхностная критика Маутнера касается и вопроса о рѣчи животныхъ, при чемъ обличаетъ непониманіе того, что такое языкъ: поэтому она замѣчаетъ напр., что языкъ муравьевъ «въ ихъ ногахъ»).

R. Minkiewicz. Próba analizy instinktu metodą obiektywną «Przegląd Filozoficzny», т. 10. 1907 года. (Работа Р. Минкевича даетъ критическій обзоръ изслѣдованій о природѣ инстинкта и сводитъ инстинктъ къ цѣпи органически связанныхъ между собою рефлексовъ).

S. Lloyd Morgan. Animal Behaviour. London. 1900. (Сочиненіе Моргана, извѣстнаго изслѣдователя жизни бобровъ, птицъ и собакъ, представляетъ одинъ изъ лучшихъ

трудоу по зоопсихологїи, проникнутыхъ трезвымъ отношенїемъ къ предмету. Такою же большую научную цѣнность имѣютъ и нижеслѣдующія два сочиненія Моргана).

C. Lloyd Morgan. An introduction to comparative Psychology. London. 1894.

Л. Морганъ. Привычка и инстинктъ. С.-Петербургъ. 1899.

G. W. and. El. I. Peckham. On the Habits and Instincts of the Solitary Wasps. 1898. (Множество тонкихъ наблюденій надъ жизнью одинокихъ осъ).

Maximilian Perty. Ueber das Seelenleben der Tiere. Tatsachen und Betrachtungen. 2 Aufl. Leipzig. 1876. (Несмотря на то, что сочиненіе Перти вышло 1-ымъ изданіемъ въ 1865 году, оно до сихъ поръ еще не совсемъ устарѣло; точка зрѣнія его на языкъ животныхъ не всегда допустима).

Th. Ribot. L'évolution des idées générales. Paris. 1897. (Въ первой главѣ этой книги Рибо опредѣляетъ основы логики образовъ у животныхъ и возможный для нихъ видъ абстракціи).

Th. Ribot. Essai sur l'imagination créatrice. Paris. 1900. (Въ первой главѣ 2-ой части Рибо указываетъ на двигательный характеръ воображенія у животныхъ).

G. I. Romanes. Animal Intelligence. 5 изд. London. 1892. (Несмотря на то, что сочиненіе Роменса, вышедшее первымъ изданіемъ въ 1874 году, пользуется большой извѣстностью, переведено и на русскій языкъ г. Холодковскимъ подъ заглавіемъ «Умъ животныхъ» 1889 г., однако оно проникнуто антропоморфизмомъ до такой степени, что имѣетъ весьма сомнительную научную цѣнность).

G. John Romanes. Die geistige Entwicklung beim Menschen. Ursprung der menschlichen Befähigung. Autorisierte deutsche Ausgabe. Leipzig. 1893. (Резюмэ того, что изложено въ другихъ трудахъ того-же автора по зоопсихологii; точка зрѣнiя такая-же не критическая, какъ и въ названномъ выше сочиненiи).

Sante de Sanctis. Die Träume. Medizinisch-psychologische Untersuchungen. Halle. 1901. (Въ главѣ о сновидѣнiяхъ животныхъ итальянскiй ученый даетъ рядъ интересныхъ наблюденiй, въ библиографическомъ приложенiи къ этой главѣ приведена соотвѣтствующая литература о сновидѣнiяхъ животныхъ).

G. H. Schneider. Der tierische Wille. Systematische Darstellung und Erklärung der tierischen Triebe und deren Entstehung, Entwicklung und Verbreitung im Tierreiche als Grundlage zu einer vergleichenden Willenslehre. Leipzig. 1880. (Сочиненiе, написанное въ духѣ философи Шопенгауера).

K. Camillo Schneider. Grundzüge der vergleichenden Thierpsychologie. Biologisch. Centralblatt т. 25. 1905 г. (Авторъ сводитъ умственную жизнь животныхъ къ «подсознанiю»).

F. Schultze. Vergleichende Seelenkunde. Zweites Buch. De Psychologie der Tiere und Pflanzen. Leipzig. 1897. (Систематическое и критическое изложенiе главныхъ фактовъ зоопсихологii).

E. G. Spaulding. An Establishment of Association in Hermit Crabs *Eupagurus longicarpus*. Journal of Comparative Neurology and Psychol. т. 14. 1904. (Противъ увлеченiй Бете).

E. L. Thorndike. Animal Intelligence. (Psychological Review. June. 1898). (Опыты надъ изобрѣтательностью

животныхъ, поставленные нѣсколько неудачно; они изложены очень подробно Морганомъ въ книгѣ *Animal Behaviour*).

Вл. Вагнеръ. Что такое инстинктъ? (въ серіи «Свободное знаніе»).

Владиміръ Вагнеръ. Психологія животныхъ (Популярныя лекціи). Москва. 1901. (Труды Вл. Вагнера по зоопсихологіи,—несомнѣнно, лучшее, что есть по этой части въ русской литературѣ; критическая точка зрѣнія и обиліе фактовъ придають особенный интересъ какъ этой книгѣ, такъ и нижеупомянутымъ).

Вл. Вагнеръ. Вопросы зоопсихологіи. С.-Петербургъ. 1896.

Вл. Вагнеръ. Городская ласточка. Ея индустрія и жизнь, какъ матеріаль сравнительной психологіи. С.-Петербургъ. 1900. Записки Импер. Акад. Наукъ. VIII серія, по физ.-матем. отдѣленію, т. X, № 6.

Вл. Вагнеръ. Водяной паукъ. Его индустрія и жизнь, какъ матеріаль сравнительной психологіи. Москва. 1900.

Вл. Вагнеръ. Что такое инстинктъ и почему даже у многихъ зоологовъ о немъ существуетъ лишь весьма смутное представленіе? (Статья, напечатанная въ серіи «Свободное знаніе» и особенно полезная для перваго ознакомленія съ вопросомъ).

Woldemar Wagner. L'industrie des Araneina. Spet. 1894.

Wladimir Wagner. Psycho-biologische Untersuchungen an Hummeln. Stuttgart. 1907.

E. Wasmann S. J. Die psychischen Fähigkeiten der Ameisen. Stuttgart. 1899. (Разсмотрѣніе различныхъ сторонъ психической жизни муравьевъ съ точки зрѣнія психолога, который между «душой» животного и чело-

вѣческой видитъ непроходимую пропасть, отрицая всякую сознательную разумность за дѣйствіями животныхъ. Тѣмъ же взглядомъ проникнуты и другія сочиненія іезуита Васмана, обильныя фактами и выводами и по вопросамъ способности сообщенія у насѣкомыхъ).

E. Wasmann S. J. Instinct und Intelligenz im Thierreich. Ein kritischer Beitrag zur modernen Tierpsychologie, 2 Aufl. Freiburg. 1899. (Борьба съ антропоморфическими тенденціями въ зоопсихологіи).

E. Wasmann S. J. Vergleichende Studien über das Seelenleben der Ameisen und der höheren Tiere. 2 Aufl. Freiburg. 1900. (Стремленіе автора—доказать, что муравьи, у которыхъ мозгъ развитъ менѣе, чѣмъ у высшихъ животныхъ, разумнѣе этихъ послѣднихъ, и что поэтому между развитіемъ мозга и ума нѣтъ прямого соответствія).

Henri de Varigny. Histoire et moeurs des animaux. I Mammifères. Ouvrage illustré de 599 photogravures. Paris. 1904. (Очень обширное и систематическое собраніе фактовъ, рисующихъ психическую жизнь обезьянъ, рукокрылыхъ и хищныхъ звѣрей).

Вильгельмъ Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. С.-Петербургъ. 1894. (Одно изъ важнѣйшихъ сочиненій, трактующихъ психологію животныхъ).

Wilhelm Wundt. Völkerpsychologie. I Band. Die Sprache. Leipzig. 1900. (Въ главѣ: Die Sprachlaute выясняется и сущность языка у животныхъ).

Robert M. Jerkes and Gurry F. Huggins. Habit-Formation in the Crawfish *Cambarus affinis*. Harvard Psychol. Studies. Vol I. 1903.

R. M. Jerkes. A. Contribution to the physiology of

the Nervous System of the Medusa *Gonionema* Murbach.
American Journal of Physiology. т. 6—7. 1902.

H. E. Ziegler. Der Begriff des Instinctes einst und
jetzt. Zoolog. Jahrbücher. Supplem. VII. 1904 (здѣсь и
исторія вопроса).

Несмотря на то, что уже на зарѣ современнаго естествознанія были высказаны очень трезвые взгляды относительно особенностей душевнаго склада животныхъ, до сихъ поръ наряду съ этимъ научнымъ направлениемъ зоопсихологіи уживается довольно наивное пониманіе психики животныхъ, которое объясняетъ душевную жизнь этихъ послѣднихъ такъ, какъ стало-бы объяснять поступки человѣка. Оно приписываетъ животнымъ такія-же побужденія нравственнаго свойства, какія руководятъ нашей дѣятельностью; заставляетъ животныхъ разсуждать по всѣмъ правиламъ аристотелевой логики. Этотъ антропоморфизмъ, распространяющій и понынѣ при помощи множества объемистыхъ и на видъ очень ученыхъ сочиненій самые неправильные взгляды на психическій строй животныхъ, сказался особенно ярко въ вопросѣ объ ихъ языкѣ. У этого вопроса есть уже своя исторія, нѣкоторые факты которой не лишены интереса. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что очень преувеличенное представленіе о способностяхъ животныхъ выражать въ звукахъ свои чувства явилось лишь въ видѣ реакціи противъ господствовавшаго во французской наукѣ взгляда, по которому поступки животныхъ приравнивались къ дѣйствіямъ бездушныхъ машинъ. Малбраншъ замѣтилъ въ разговорѣ съ дамой, которая жалѣла, что причинила боль своей собачкѣ: «Сударыня, это не чувствуетъ». Этотъ взглядъ, вы-

сказанный Декартомъ, былъ принятъ, какъ какой-то догматъ вѣры, парижской Сорбонной, и высказываться противъ него во Франціи было не совсѣмъ безопасно. Поэтому авторъ вышедшей въ 1764 году и надѣлавшей много шуму книги «Lettres philosophiques sur l'intelligence et la perfectibilité des animaux» Леруа долженъ былъ прибѣгнуть къ псевдониму «Нюрнбергскаго физика», чтобы безбоязненно опровергать господствующій взглядъ. Леруа ставилъ умственныя способности животныхъ очень высоко и не колебался приписывать имъ такой развитой языкъ, который допускаетъ заключеніе договоровъ и всякаго рода условій; всѣ психическія данныя, необходимыя для существованія такого языка, у животныхъ на лицо, потому что, по мнѣнію Леруа, они въ состояніи не только чувствовать, но и умозаключать, какъ человѣкъ.

Добрый примѣръ Леруа не остался безъ подражателей. Въ 1807 году Dupont de Nemours перевелъ на французскій языкъ пѣніе соловья и составилъ словарь вороньяго языка, а другой французъ Pierquin, исходя изъ убѣжденія, что люди и животныя имѣли первоначально одинъ и тотъ-же языкъ, сравнивалъ звуки звѣриной рѣчи со словами американскихъ языковъ. Словарики языка собаки, кошки, курицы и т. п. были составлены и въ Германіи: за эту благодарную задачу взялся въ 1800 году нѣмецъ Wetzel, который былъ убѣжденъ, что животныя понимаютъ человѣческую рѣчь. Таковъ былъ наивный антропоморфизмъ, который пережилъ и до нашихъ дней и еще недавно заставилъ американскаго любителя природы, Гарнера, посвятить долгіе часы на изученіе языка обезьянъ, въ которомъ онъ находилъ выраженія для тѣхъ-же чувствъ и мыслей, которыми живетъ культурный американецъ конца 19-го вѣка, а нашему ученому, В. А. Вагнеру,

пришлось употребить не мало труда, чтобы доказать, что шмели не поют пѣсенъ отъ радостныхъ чувствъ при утреннемъ пробужденіи природы, какъ это думали многіе изслѣдователи до него. Какой-нибудь глубокой тенденціи въ этомъ направленіи было-бы однако тщетно искать: оно исходитъ изъ простодушнаго стремленія постоять за животное, защитить его права на человѣческое сочувствіе и уваженіе, въ которыхъ ему такъ жестоко отказывали картезіанцы. Не даромъ и теперь Общества покровительства животнымъ награждаютъ преміями сочиненія, стоящія на той-же точкѣ зрѣнія, что Leroу, Dupont de Nemours и т. п.

Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ другое направленіе зоологіи, признающее за животными способность рѣчи. Если мы вспомнимъ слова основателя новѣйшей систематики животныхъ, Линнея: «слѣдуетъ удивляться, что обезьяна не приспособилась къ рѣчи, разъ строеніе органовъ, необходимыхъ для рѣчи, у нея тождественно съ человѣческимъ»,—то мы увидимъ, что та точка зрѣнія, съ которой между человѣкомъ и животнымъ нѣтъ никакой пропасти, должна была неминуемо привести къ поискамъ зачатковъ рѣчи въ мірѣ животныхъ. Линней сближалъ душевную жизнь обезьяны и человѣка, насколько это позволяли тогдашнія данныя зоологіи; дарвинизмъ, поставивъ человѣка не внѣ, но лишь во главѣ лѣстницы животныхъ, долженъ былъ искать вдоль нея зачатковъ и дальнѣйшихъ стадій эволюціи всѣхъ психическихъ и этическихъ особенностей человѣка,—въ томъ числѣ и рѣчи.

Основное положеніе Дарвина гласитъ: «какъ ни велико различіе душевныхъ способностей человѣка и высшихъ животныхъ, все-же это различіе—лишь по степени, а не по роду». Рѣчь человѣка оказывается лишь «усовершен-

ствованной» сравнительно съ языкомъ животныхъ, которому Дарвинъ посвящаетъ нѣсколько страницъ своей знаменитой книги (стр. 77 — 85 рус. пер.). Послѣдователи Дарвина, работая въ томъ-же направленіи, привели значительное число фактовъ изъ области животной рѣчи. Но общей чертой этихъ изслѣдованій является отсутствіе опредѣленія тѣхъ психическихъ условій, при которыхъ только и возможна рѣчь въ человѣческомъ смыслѣ. Вслѣдствіе этого примѣры, приводимые Дарвиномъ и его послѣдователями, представляютъ, пока не выясненъ этотъ основной вопросъ, лишь кажущееся сходство съ человѣческой рѣчью. Нѣтъ сомнѣнія, что «нѣкоторые попугаи, научившись говорить безошибочно, сочетаютъ извѣстныя слова съ вещами и извѣстныхъ лицъ съ событіями», но это можетъ быть лишь результатомъ дрессировки, благодаря которой лошади «научаются» говорить *да* и *нѣтъ*, собаки считать и даже произносить такія слова, какъ *рара*, *татап*, *самараде*, слова, которыя онѣ произносятъ съ помощью дрессировщика, похлопывающаго ихъ по подбородку; но артикулируютъ звуки собаки сами. Но если даже указываемая Дарвиномъ связь устанавливается не путемъ дрессировки, а существуетъ отъ рожденія, примѣры чему во множествѣ приводятся какъ Дарвиномъ, такъ и Роменсомъ, Бюхнеромъ, Эвансомъ и др., то это значитъ, что она опредѣлена инстинктомъ и уже въ силу этого не идетъ въ сравненіе съ условной связью между звукомъ и вещью, которая лежитъ въ основѣ человѣческой рѣчи. Самъ Дарвинъ въ сущности, признаетъ это, утверждая, что «незначительныя природныя различія въ пѣніи одинаковыхъ видовъ, населяющихъ разныя мѣстности», могутъ быть уподоблены провинціальнымъ говорамъ одного и того-же языка. Источникомъ та-

кого сходства крика птицъ можетъ быть лишь инстинктъ, а между тѣмъ въ человѣческомъ словарѣ и въ грамматикахъ человѣческихъ языковъ инстинктъ не играетъ рѣшительно никакой роли. Далѣе инстинкта, проявляющагося въ такъ наз. рѣчи животныхъ, Дарвинъ не пошелъ, и потому его уподобленіе этой послѣдней языку людей отзывается антропоморфизмомъ. Хотя онъ иного происхожденія, чѣмъ антропоморфизмъ старыхъ писателей, составлявшихъ птичьи словари, однако результаты его такіе-же, особенно у писателей, менѣе глубокомысленныхъ и строгихъ къ себѣ, чѣмъ основатель дарвинизма. Такъ, Роменсъ рассказываетъ о грачѣ Джекѣ, который держалъ длинныя рѣчи на митингѣ птицъ, и приводитъ множество удивительнѣйшихъ примѣровъ способности муравьевъ, птицъ и млекопитающихъ передавать свои мысли. Между прочимъ, онъ передаетъ со словъ одного изъ своихъ знакомыхъ,—а это источникъ по большей части весьма мутный,—одинъ случай, идущій совсѣмъ въ разрѣзъ съ наблюденіями Моргана, Торндайка и др. критическихъ изслѣдователей относительно изобрѣтательности у животныхъ. Именно, «Mr. S. Goodbehere рассказывалъ мнѣ объ одномъ пони, который имѣлъ обыкновеніе подходить къ забору своей загороди и ржать ослу, свободно бродившему по двору; осель приближался къ воротамъ и подталкивалъ задвижку, вслѣдствіе чего дверь раскрывалась, и пони убѣгалъ на волю». Чтобы оцѣнить все научное достоинство этого примѣра, надо понять, какого рода логическія способности приписываетъ здѣсь Роменсъ лошади и ослу. Пони ржалъ, по его словамъ, обращаясь къ ослу, для того, чтобы тотъ открылъ ему дверь: значитъ, пони понималъ, что его ржаніе будетъ связано его пріятелемъ съ опредѣленнымъ дѣйствіемъ, на которое въ самомъ

ржаніи никакого указанія не заключается. Осель сознавалъ, что пони скучно въ его загородкѣ, подмѣтилъ въ его крикѣ нотку нетерпѣнія и поспѣшилъ на помощь къ своему другу. Вотъ цѣпь соображеній, послѣдовательность которыхъ совершенно немыслима для того умственного развитія, котораго достигаютъ животныя. Животныя разныхъ породъ могутъ понимать другъ друга, разумѣя однако подъ этимъ пониманіемъ лишь то, что съ тревожнымъ крикомъ и поведеніемъ одной птицы иногда ассоціируютъ представленіе о надвигающейся опасности птицы другихъ породъ, живущія по сосѣдству съ первой; что на призывный крикъ курицы, приглашающей птенцовъ ѣсть брошенный кормъ, иногда спѣшитъ дворовая собака и т. под. Но между этими простѣйшими ассоціаціями и тѣмъ рядомъ абстракцій, которыя предполагаются въ упомянутомъ случаѣ осла и пони, огромная разница.

Это — первое. Но и кромѣ того дѣйствіе осла невѣроятно. Опытъ Thorndike'a показываютъ, что животное, запертое въ клеткѣ, запоры которой раскрываются при томъ или другомъ легкомъ прикосновеніи животного (напр., оно должно задѣть какой-нибудь крючокъ, царапнуть стѣнку), выходитъ изъ своей неволи случайно, а вовсе не тѣми путями, къ которымъ привыкъ культурный человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, если свидѣтель Роменса не сочинилъ всей этой исторіи *ad majorem gloria* дарвинизма, то передъ нами или совпаденіе (осель случайно поднялъ задвижку въ то время, когда пони подбѣжалъ къ нему съ дружелюбнымъ ржаніемъ), или результатъ дрессировки.

Разговоръ между насѣкомыми описывается самымъ наивнымъ образомъ напр. Бюхнеромъ, который говоритъ слѣдующее: «Когда два муравья разговариваютъ, они стоятъ

другъ противъ друга и усерднѣйшимъ образомъ обрабатываютъ другъ друга въ высшей степени подвижными щупальцами, бьютъ по головѣ и т. д. Что они могутъ такимъ путемъ передать другъ другу очень детальныя сообщенія о весьма опредѣленныхъ предметахъ, доказывається безчисленными, частью уже упоминавшимися, наблюденіями». Значеніе упомянутыхъ здѣсь наблюденій, которыя вкладываютъ въ душу муравья вполнѣ человѣческія представленія, конечно, очень не велико. Бюхнеръ не спросилъ себя даже, могутъ-ли въ сознаніи муравья образоваться представленія о деталяхъ «весьма опредѣленныхъ предметовъ», не говоря уже о томъ, возможно-ли съ помощью жестовъ передавать эти детали. «Языкъ жестовъ» у глухонѣмыхъ и американскихъ дикарей, разработавшихъ его систему, ограничивается передачей немногихъ конкретныхъ представленій, тогда какъ «очень детальныя сообщенія» предполагаютъ непременно работу обобщенія представленій. По мнѣнію одного изъ новѣйшихъ научныхъ изслѣдователей муравьиной психики, іезуита Васмана, муравьи, ударяя другъ друга щупальцами, не разговариваютъ въ смыслѣ Бюхнера, а только инстинктивно возбуждаютъ вниманіе своего «собесѣдника».

Антропоморфическіе взгляды на рѣчь животныхъ находятъ себѣ полный просторъ и у другихъ дарвинистовъ: Эспинасъ говоритъ о томъ, что «командованія и распоряженія (у животныхъ) производятся посредствомъ голоса». Эвансъ приводитъ многочисленныя примѣры передачи животными понятій и т. д. Лингвистъ долженъ быть очень остороженъ, черпая изъ популярной зоопсихологической литературы факты, рисующіе способность животныхъ передавать свои чувства и представленія.

Къ счастью, антропоморфизмъ въ сужденіяхъ о животной рѣчи не всецѣло господствуетъ въ наукѣ. Уже Аристотель высказалъ очень вѣрную идею, уподобивъ психику животнаго младенческому состоянію человѣка, и этимъ опредѣливъ причину того, что животныя не говорятъ, какъ не говорятъ и младенцы. Перейдя къ болѣе близкимъ къ намъ временамъ, назовемъ французскаго писателя половины 18-го вѣка, аббата Bougeant, автора книги «Amusement philosophique sur le langage des bêtes» (1738). Исходя изъ отсутствія понятій у животнаго, Бужанъ утверждалъ, что языкъ животныхъ такъ же простъ, какъ просты ихъ чувства и потребности. Такъ-же судилъ Бюффонъ, объяснявшій скудость животной рѣчи бѣдностью ихъ духовной жизни. Отсутствіе понятій, руководство только образами въ своихъ умозаключеніяхъ, а отсюда и неимѣніе языка въ человѣческомъ смыслѣ этого слова, таковы были идеи, зародыши которыхъ находимъ уже въ 17-мъ вѣкѣ у Гассенди, де-ля-Шамбра (Traité de la connaissance des animaux 1662) и др. Пройдя черезъ 18-й вѣкъ, эти идеи получили полное развитіе въ 19-омъ и въ нѣсколько модифицированномъ видѣ раздѣляются и теперь многими трезвыми представителями зоопсихологій. Вотъ какъ опредѣляетъ эту точку зрѣнія Вундтъ въ своихъ лекціяхъ о душѣ человѣка и животныхъ: «на вопросъ, отчего животныя не говорятъ, вѣрнѣйшимъ будетъ извѣстный отвѣтъ: потому, что имъ нечего сказать».

Развѣ животныя не чувствуютъ? развѣ у нихъ не возникаетъ представленій, которыя они испытываютъ потребность передать своимъ дѣтямъ или товарищамъ? развѣ наконецъ они не понимаютъ другъ друга? На всѣ эти вопросы надо отвѣтить положительно, и тѣмъ не менѣе ни это взаимное пониманіе животныхъ одного и даже разныхъ

видовъ, ни эта потребность передавать свои чувства въ звукахъ не позволяютъ еще уподоблять рѣчь животныхъ человѣческой. Это не языкъ. «Слово становится элементомъ языка», говоритъ Л. Морганъ (Anim. Behav. 204 — 205): «настоящимъ словомъ только тогда, когда исполняетъ обязанности части рѣчи, иначе говоря — является составнымъ элементомъ одного связнаго цѣлаго. Животное «слово», если можно здѣсь употребить этотъ терминъ, представляетъ собой отдѣльный кирпичъ; дюжина такихъ кирпичей, даже цѣлая куча въ нѣсколько сотенъ ихъ, все еще не составляетъ зданія».

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ само собою требованіе, прежде чѣмъ изслѣдовать такъ наз. рѣчь животныхъ, разсмотрѣть особенности ихъ психическаго склада, потому что только при сравненіи духовной жизни человѣка и животныхъ можно получить правильный взглядъ и на одну изъ частныхъ этой жизни, выражающуюся въ языкѣ.

Въ основѣ поступковъ животныхъ лежатъ инстинкты и личный ихъ опытъ, обогащающій ихъ новыми познаніями, создающій у нихъ новыя привычки. Существенная черта инстинктивныхъ дѣйствій заключается въ ихъ удивительной цѣлесообразности, при чемъ сознание ея не является необходимымъ спутникомъ поступка, а во многихъ случаяхъ, несомнѣнно, отсутствуетъ. Можно было бы даже сказать, что сознание цѣлесообразности никогда не сопровождаетъ инстинктивнаго дѣйствія, если-бы подобное обобщеніе не наталкивалось на недоступность для насъ проникновенія въ сознание животнаго. Но въ цѣломъ рядѣ случаевъ есть прямыя показанія на этотъ счетъ. Такъ, напр., многочисленныя наблюденія надъ безпозвоночными, произведенныя Вл. Вагнеромъ (Вопросы зоопсихоло-

логін, 89—139), обнаруживают тотъ фактъ, что инстинктивная дѣятельность ихъ нисколько не терпитъ ущерба при нарушении органа сознанія. Животное попрежнему правильно находитъ свой путь, такъ-же точно направляетъ удары, защищается и т. п. Тараканъ, лишенный головы, «если защепить какую-нибудь лапку пинцетомъ, выдергиваетъ ее, а когда лапку отпускаютъ, то просовываетъ ее подъ грудь между другими лапками и подноситъ къ мѣсту, гдѣ была голова, чтобы привести въ порядокъ то, что было разстроено пинцетомъ. Актъ этотъ производится такъ-же, какъ и нормальной особью. Интересно, что поставивъ ножку въ соответствующее и очень неловкое положеніе подъ мѣстомъ, гдѣ была голова, тараканъ остается въ этомъ неловкомъ положеніи очень долго безъ движенія». Обезглавленный комаръ разставляетъ надлежащимъ образомъ крылья и летитъ, если его подбросить въ воздухъ; *tipula gigantea* (видъ комаровъ) «къ мѣсту раздраженія приближаетъ конецъ абдомена, какъ бы собираясь ужалить, при чемъ попадаетъ въ орудіе раздраженія съ поразительной точностью». Подобнымъ образомъ «вѣрные удары жаломъ оса наносятъ даже тогда, когда отрѣзана не только голова, но и грудь, и когда такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло только съ однимъ абдоменомъ. Продолжаетъ жалить, цѣлесообразно направляя удары, даже четвертая часть абдомена». Приведемъ еще одно любопытное наблюденіе: «Водный скорпионъ, схвативъ передней ногой добычу, подноситъ ее къ тому мѣсту, гдѣ была голова, и держитъ ее въ такомъ именно положеніи, въ какомъ это необходимо, чтобы хоботокъ головы (когда онъ существовалъ) могъ высасывать ее соки. Нога дѣйствуетъ, сжимая добычу, соразмѣрно ея усиліямъ освободиться, такъ-же, какъ она дѣйствуетъ въ нормальныхъ

условіяхъ; прикосновеніе къ растенію, близъ котораго устроился скорпіонъ, заставляетъ его опускаться на дно сосуда со всѣми признаками безпокойства».

Итакъ, обезглавленное безпозвоночное животное исполняетъ всѣ инстинктивныя дѣйствія такъ-же совершенно, какъ и нормальное. Причина этого можетъ заключаться лишь въ томъ, что, по выраженію того-же изслѣдователя, «данный актъ животнаго представляетъ дѣйствіе не психологически обособленнаго цѣлаго, а составляетъ какъ-бы сумму дѣйствій большаго или меньшаго числа сегментовъ, иногда способныхъ совершить опредѣленную группу актовъ въ точно опредѣленномъ порядкѣ—независимо и безъ всякаго отношенія другъ къ другу». Такого рода акты, разумѣется, не могутъ называться сознательными, какъ поступки существа, обладающаго единымъ центромъ координаціи дѣйствій.

Вся инстинктивная дѣятельность безпозвоночныхъ носитъ тотъ-же характеръ цѣлесообразности, лишенной однако сознательности. Водяной паукъ, устраивающій для своихъ дѣтей очень сложное подводное жилище, которое онъ выстроивъ на вѣки покидаетъ; придорожная оса (помилъ дорожный), кладущая свое яичко на спину паука, приведеннаго въ параличное состояніе благодаря уколу жаломъ въ опредѣленное мѣсто; водяной жукъ (*Hydrophilus piceus*), приготовляющій для своего потомства искусно сдѣланную лодочку, въ которой оно носится по поверхности воды; оса-церцеришь, питающаяся только сокомъ цвѣтовъ и припасающая мясную пищу для своихъ дѣтей, которыхъ она никогда не увидитъ; пчела халкикодома, строящая жилище изъ каменной пыли и пролетающая за время постройки дома, устройства ячеекъ, наполненія ихъ медомъ и т. п. до 400 верстъ (по вы-

численію Фабра), послѣ чего отъ истощенія умираетъ— все это примѣры инстинктивныхъ цѣлесообразныхъ дѣйствій, которыя не могутъ сопровождаться сознаниемъ уже потому, что ни одно изъ этихъ животныхъ не знало своихъ родителей, ничему у нихъ не научилось и никогда не увидитъ своихъ дѣтей, для которыхъ строить жилище. Какъ муха или комарь, несущіе яички въ воду, могутъ знать, что вода наилучшая среда для ихъ развитія ¹⁾?

Той-же безсознательностью сопровождаются инстинктивныя дѣйствія у позвоночныхъ. Австралійская курица находится по отношенію къ своимъ родителямъ и потомству въ тѣхъ же условіяхъ, какъ оса, паукъ и т. п.; она вылупляется изъ яйца, зарытаго ею матерью въ сложенную ею постройку, и сама поступаетъ такъ-же, когда приходитъ ей время. Опыты надъ птицами, выведенными въ инкубаторахъ, надъ животными, отобранными отъ родителей немедленно послѣ рожденія, даютъ много любопытнаго въ смыслѣ природы инстинкта. Бѣлка на волю зарываетъ орѣхи про запасъ въ маленькія ямки въ землѣ, которыя она потомъ находитъ, руководясь тонкимъ обоняніемъ; маленькія бѣлочки въ возрастѣ одного—двухъ мѣсяцевъ проявляютъ тотъ-же инстинктъ. «Я часто видѣлъ, — говоритъ одинъ наблюдатель, державшій въ комнатѣ бѣлокъ, взятыхъ изъ гнѣзда родителей (Морганъ. Привычка и инстинктъ, 110 — 112) — что та или другая брала орѣхъ (когда орѣховъ было больше, чѣмъ она могла съѣсть), оглядывала комнату, ища подходящаго мѣста, затѣмъ клала орѣхъ на коверъ въ какомъ-нибудь укром-

¹⁾ Ср. *Ed. Claparède. L'association des idées. Paris. 1903, стр. 390—395.*

помъ углу, напр., около ножки дивана или конторки. Она прижимала орѣхъ къ ковру, производила такія движенія, какъ будто стрѣбала подъ нимъ землю, а затѣмъ оставляла орѣхъ въ покоѣ въ полной увѣренности, что хорошо его зарыла». Унаслѣдованный инстинктъ у котенка проявляется въ выгибаніи спины, въ выраженіи страха или злобы при помощи шипѣнія, выгибанія спины и т. п., въ умываніи лица, въ мурлыканіи, въ стремленіи лазать, толкать передъ собою движущійся предметъ и др.; «ручной заяцъ всегда настойчиво старался зарыться въ свою постель»; поросенокъ, взятый отъ матери тотчасъ послѣ рожденія, черезъ семь часовъ сидѣнія въ мѣшкѣ прямо побѣжалъ въ хлѣвъ къ своей матери. Инстинктивно и бессознательно новорожденный младенецъ челоуѣка сосетъ грудь своей матери, инстинктивно онъ начинаетъ ходить. Удивительный инстинктъ нахожденія мѣста, который руководитъ насѣкомыми при возвращеніи въ свое гнѣздо, птицами при перелетѣ, почтовыми голубями, животными, увезенными съ родины и убѣгающими отъ новыхъ хозяевъ къ старымъ,—этотъ инстинктъ до извѣстной степени не чуждъ и челоуѣку въ томъ возрастѣ, когда инстинктивная дѣятельность проявляется у него всего сильнѣе, т. е. въ дѣтствѣ: такъ, говорятъ, что нѣкоторые мальчики обнаруживаютъ удивительную способность совершенно бессознательно ориентироваться въ лѣсу (Flügel 95 ¹).

Бессознательность инстинкта одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ, рисующихъ истинную природу животной рѣчи. Другой характерной особенностью инстинкта является его

¹) Обширная литература объ инстинктѣ ориентации у птицъ и насѣкомыхъ приведена въ L'Année psychologique. X (1904), стр. 605.

всеобщность, благодаря которой всё животныя одного вида испытываютъ одинаковое инстинктивное расположеніе къ совершенію извѣстныхъ дѣйствій. Самое дѣйствіе можетъ измѣняться подъ вліяніемъ разныхъ случайностей: напр., особенностей матеріала, изъ котораго строится гнѣздо ласточкой; бытовыхъ условій, въ которыхъ живетъ звѣрь, птица, насѣкомое; инстинктивное дѣйствіе можетъ модифицироваться, благодаря опыту животнаго, дѣйствію подражанія, дрессировки, прирученія и т. п. Но предрасположеніе къ совершенію опредѣленныхъ поступковъ въ опредѣленное время присуще всегда цѣлому виду извѣстныхъ животныхъ. Такъ, въ одной изъ смѣшанныхъ «колоній» муравьевъ Васманъ наблюдалъ раздѣленіе труда между пятью видами муравьевъ, населяющихъ муравейникъ, сообразно ихъ инстинктивнымъ наклонностямъ, при чемъ уходъ за молодымъ поколѣніемъ принадлежалъ главнымъ образомъ виду *sanguinea*. По отношенію къ осамъ такое-же наблюденіе принадлежитъ Пекгему, а Фабръ констатируетъ измѣненіе инстинктовъ, какъ видовыхъ признаковъ.

Удивительная цѣлесообразность инстинкта, которая заставляла столь многихъ ученыхъ восхищаться разумомъ животныхъ, не исключаетъ такой-же поразительной безпомощности животнаго за предѣлами той обстановки, въ которой инстинктъ цѣлесообразенъ. Множество наблюденій надъ насѣкомыми Фабра, Фореля, Леббока вполне обнаруживаютъ ихъ несостоятельность въ томъ случаѣ, когда имъ приходится дѣйствовать своимъ умомъ. «Инстинктъ все знаетъ въ той неизмѣнной области дѣйствій, которая ему предназначена; инстинктъ ничего не знаетъ внѣ этой области. Его участь быть въ одно и то-же время высочайшимъ ясновидѣніемъ знанія и удивительной непослѣ-

довательностью глупости, смотря по тому, дѣйствуетъ-ли животное въ условіяхъ нормальныхъ или-же въ условіяхъ случайныхъ» (Фабръ. 91). Въ доказательство этого Фабръ приводитъ рядъ опытовъ надъ осой, которая тащитъ свою добычу въ гнѣздо за усики. «Сфексъ, влачащій свою добычу, находится уже въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ норки. Не трогая его, я перерѣзываю ножницами усики эфиопигеры (видъ кузнечика), которые служатъ ему вмѣсто вожжей. Оправившись отъ удивленія, которое вызываетъ въ немъ внезапное облегченіе ноши, перепончатокрылое возвращается къ ней и безъ колебаній схватываетъ ее за основаніе усиковъ, короткіе остатки, не перерѣзанные ножницами. Эти кусочки очень коротки, едва въ миллиметръ длины, но насѣкомому нужды нѣтъ до этого: оно схватываетъ ихъ и принимается снова тащить добычу. Очень осторожно, чтобы не ранить сфекса, я отрѣзаю ножницами и эти два кусочка усиковъ, какъ разъ у черепа эфиопигеры. Не имѣя за что схватиться въ знакомыхъ ему мѣстахъ, сфексъ схватываетъ длинную щупальцу жертвы и продолжаетъ свою работу передвиженія, при чемъ, повидимому, его нисколько не беспокоитъ эта переменна въ способѣ упряжки. Я оставляю его въ покоѣ. Добыча притащена къ жилищу и положена такъ, что головою обращена ко входу въ норку. Тогда перепончатокрылое входитъ одно въ норку для того, чтобы сдѣлать краткій осмотръ внутренности ячейки, прежде чѣмъ втащить запасъ. Я пользуюсь этимъ краткимъ мгновениемъ для того, чтобы схватывать добычу, пообрывать у нея всѣ щупальцы и положить ее немножко дальше, на шагъ разстоянія, отъ норки. Сфексъ появляется и прямо идетъ къ дичи, которую онъ видитъ съ порога своей двери. Онъ ищетъ со всѣхъ сторонъ головы жертвы, за

что бы схватиться, но ничего не находятъ. Сдѣлана отчаянная попытка: открывъ во всю ширину свои челюсти, сфексъ пытается схватить ими эфиппигеру за голову; но челюсти скользятъ по круглой и гладкой головѣ. Онъ много разъ повторяетъ попытку, но безъ всякаго результата. Наконецъ, убѣдившись въ бесполезности своихъ усилій, онъ отступаетъ немного въ сторону и, повидимому, отказывается отъ добычи... Почему сфексъ даже не пробуетъ ни одного раза схватить за одну изъ шести ножекъ или за кончикъ яйцеклада, тогда какъ онъ пытался сдѣлать невозможное: схватить челюстями, несравненно меньшими по размѣру, громадную голову своей добычи. Можетъ быть, ему не пришла въ голову эта мысль? Въ такомъ случаѣ, попытаемся пробудить ее въ немъ. Я подставляю ему въ челюсти то ножку, то кончикъ яйцеклада эфиппигеры. Насѣкомыя упорно отказываются ихъ взять». Кончилось дѣло тѣмъ, что оса ушла совсѣмъ, покинувъ и добычу, и жилище.

Примѣровъ безпомощности насѣкомаго въ случаяхъ отклоненія отъ обычной обстановки въ книгѣ Фабра множество. Но и животныя позвоночныя въ этомъ отношеніи стоятъ немногимъ выше насѣкомыхъ. Такъ, Флюгель рассказываетъ о самкѣ анста, которая послѣ смерти самца отвергала въ продолженіе двухъ лѣтъ всѣ ухаживанія другихъ самцовъ, но инстинкты ея не измѣнились: она попрежнему каждый годъ поправляетъ свое гнѣздо, кладетъ (неоплодотворенныя) яйца, тщательно высиживаетъ ихъ; потомъ, когда обычное время сидѣнія на яйцахъ проходитъ, она выбрасываетъ всѣ яйца изъ гнѣзда и принимается таскать лягушекъ, чтобы кормить птенцовъ, которые при обычныхъ условіяхъ были-бы у нея въ эту пору. Инстинктъ кормленія птенцовъ, хотя-бы чужихъ, наблю-

далъ у ласточекъ Вл. Вагнеръ, который указываетъ и на другую любопытную черту ихъ инстинктивной дѣятельности: какъ пчела строитъ лишь определенное время свое жилище, а потомъ летитъ за медомъ и уже не поправляетъ свой домикъ, хотя-бы медъ выливался изъ него; какъ бѣлка зарываетъ въ ковръ орѣхи, не заботясь о томъ, что они остаются видны, такъ и ласточка строитъ свое гнѣздо лишь столько времени, сколько это нужно для птицъ ея вида въ нормальныхъ условіяхъ. Если по какимъ-либо причинамъ, вызваннымъ экспериментомъ изслѣдователя, стройка гнѣзда не удалась, ласточка кладетъ свои яйца въ неготовое жилище. Морганъ, продолжавшій много опытовъ надъ птицами, высиженными въ инкубаторахъ, рассказываетъ о выводкѣ утятъ, которые усердно полоскались въ жестяной чашкѣ безъ воды лишь потому, что въ первый разъ, когда они были къ ней пущены, въ чашкѣ была вода. «Ошибки» инстинкта даютъ вообще неисчерпаемую область фактовъ. «Когда попадаетъ въ силъ одинъ дупель,—рассказываетъ С. Г. Аксаковъ—начнетъ биться и трепетаться,—другіе кинутся его бить и попадаютъ въ силъ сами; большая часть изъ нихъ удавливается».

Заблужденія строительнаго инстинкта у осы пелопея и другихъ насѣкомыхъ подробно описаны Фабромъ въ его замѣчательной книгѣ (стр. 220 и дал.). Но важно то, что ошибки, наблюдаемыя у одного вида животныхъ, могутъ быть исправлены другимъ. Такъ, Фабръ, описавъ свои опыты надъ осой, которая приходила въ совершенное недоумѣніе, когда изслѣдователь отодвигалъ ея добычу отъ норки, прибавляетъ: «Спустя годъ, я посѣтилъ то-же мѣсто. Новое поколѣніе унаслѣдовало для норки мѣсто, выбранное предшествовавшимъ поколѣніемъ, и также неиз-

мѣнно унаслѣдовало его приемы: опытъ съ отодвиганіемъ сверчка даетъ тѣ-же результаты. Заблужденіе мое все увеличивалось, когда счастливый случай натолкнулъ меня на другую, отдаленную колонию сфексовъ. Здѣсь я опять принимаюсь за тѣ-же опыты. Послѣ двухъ или трехъ разъ, когда результатъ былъ прежній, сфексъ садится на спину найденнаго сверчка, схватываетъ его челюстями за усики и немедленно втаскиваетъ въ норку». Всѣ осы этой колоніи оказались въ состояніи перехитрить изслѣдователя, но на слѣдующій день Фабръ опять попалъ на племя «съ тупыми способностями». Оказывается, что различныя колоніи сфексовъ обладаютъ различными способностями приспособленія къ средѣ, но притомъ такъ, что или всѣ ея члены (надъ которыми производился опытъ) одарены этой способностью, или всѣ тупы. Хотя и въ мѣрѣ животныхъ, въ томъ числѣ и муравьевъ, нельзя отрицать извѣстную индивидуализацію (Wasman. Vergleichende Studien. 40—41, много примѣровъ не вполне критическихъ у Линдсея и др.), однако на область инстинкта она почти не распространяется: инстинктъ принадлежитъ виду, а не особи, и совершенствуется вмѣстѣ съ видомъ до такой степени, что, по наблюденіямъ Санта де Санктиса, у животныхъ во снѣ обнаруживаются инстинкты, которые не имѣли случая проявиться въ дѣйствительности: такъ, сенбернарская собака, не плававшая, дѣлаетъ во снѣ такія движенія, точно плыветъ и т. п. Здѣсь проявляется дѣйствіе родового инстинкта. По справедливому замѣчанію Вл. Вагнера (Психологія животныхъ. 93), «инстинктъ въ своихъ измѣненіяхъ подлежитъ тѣмъ-же законамъ, какъ измѣненіе любой морфологической особенности вида, и отнюдь не особи, а, стало быть, къ индивидуальному сознанію никакого отношенія не имѣетъ».

Итакъ, мы приходимъ къ тому-же выводу, который сдѣлали раньше: какъ цѣлесообразность инстинкта, такъ и ошибки его и исправленія цѣлымъ видомъ животныхъ доказываютъ, что инстинктъ принадлежитъ не отдѣльной особи, а цѣлому виду, и поскольку животное руководится имъ, содержаніе его духовной жизни такъ скудно, что ему нечего было бы сказать, если-бы оно даже обладало даромъ рѣчи. Возможенъ-ли этотъ послѣдній при такой скудости духовной жизни, объ этомъ мы будемъ говорить ниже.

Однимъ изъ важнѣйшихъ инстинктовъ, поддерживающихъ существованіе какъ особи, такъ и вида, является инстинктъ подражанія, играющій выдающуюся роль въ распространеніи среди вида тѣхъ криковъ, которые признаются въ популярныхъ сочиненіяхъ за рѣчь животныхъ. Естественно поэтому, что на подражательность у животныхъ было обращено вниманіе многихъ писателей, работавшихъ въ области зоопсихологій, тѣмъ болѣе, что «обезьяничаніе», «попугайничаніе» и т. п. бросаются всѣмъ въ глаза. Но и здѣсь, какъ и въ другихъ вопросахъ зоопсихологій, необходима большая осторожность. Прежде всего, надо подчеркнуть тотъ фактъ, что подражаніе совершается инстинктивно, а потому слѣпо, какъ всякое инстинктивное дѣйствіе. Такъ, птица, легко заимствующая крикъ птицы того-же или иного вида, не заимствуетъ у нея болѣе совершеннаго типа гнѣзда. Повидному, къ птицѣ можно примѣнить слова, сказанныя Пекгемомъ о гнѣздѣ осы, которая въ своей постройкѣ испытываетъ «тенденцію исходить изъ гнѣзда опредѣленнаго типа», но эта тенденція вполне инстинктивна. Вл. Вагнеръ на своихъ опытахъ надъ ласточкой убѣдился, что у строителей гнѣзда совершенно отсутствуетъ представле-

ніе о результатахъ постройки, которой они занимаются: такъ, одна ласточка выстроила стѣнку, длиною съ аршинъ, безъ всякаго внутренняго гнѣзда, и строила ее болѣе двухъ мѣсяцевъ; другія надстраивали совершенно ненужную имъ стѣнку, которая была лишней на карнизѣ, гдѣ воздвигалось гнѣздо и т. п. Противъ обычнаго воззрѣнія, что гнѣзда старыхъ птицъ лучше, чѣмъ у молодыхъ, знатоки птицъ представляютъ сильныя возраженія: Альтумъ утверждаетъ, что это не правда, что молодыя птицы строятъ зачастую гораздо лучше, чѣмъ старыя, и что одна и та-же птица, строящая гнѣздо и высидывающая яйца нѣсколько разъ въ году, въ первый разъ, когда она болѣе возбуждена, оказывается болѣе искуснымъ архитекторомъ; по его словамъ, «птичье гнѣздо настоящее произведеніе природы, а вовсе не созданіе искусства; оно есть исключительно продуктъ инстинкта размноженія; чѣмъ сильнѣе въ жизни той или другой птицы этотъ инстинктъ, тѣмъ совершеннѣе и гнѣздо; чѣмъ слабѣе инстинктъ, тѣмъ болѣе жалкій, плохой видъ получаетъ постройка» (Altum. 158).

Но даже допуская усовершенствованіе постройки у одной и той-же птицы подъ вліяніемъ возраста, орнитологи рѣшительно отрицаютъ здѣсь участіе подражанія. Пока птица молода и, сидя въ гнѣздѣ, ожидаетъ только пищи, ей, конечно, не до «изученія архитектуры», замѣчаютъ авторы сочиненія «Tiere der Heimath», А. и К. Мюллеры. «Когда родители ихъ приступаютъ ко второй кладкѣ яицъ, птенцы отъ первой уже отдѣлены отъ нихъ, и ни одному изъ нихъ не приходитъ въ голову взять у родителей нѣсколько уроковъ по строснію гнѣздъ». (Groos. 149--150).

Но, будучи ограниченъ опредѣленными функціями, инстинктъ подражанія выступаетъ очень ярко тамъ, гдѣ

ему есть мѣсто. Разумѣется, у общественныхъ животныхъ дѣйствіе его наблюдается очень часто. Такъ, напр., Васманъ, изучавшій жизнь муравьевъ въ своихъ наблюдательныхъ гнѣздахъ, замѣчалъ не разъ, что муравей, бросавшійся съ враждебнымъ видомъ на новопоявившагося жучка *Dinarda*, одного изъ «муравьиныхъ жильцовъ», побуждалъ своимъ поведеніемъ къ такой-же агрессивной политикѣ другихъ товарищей, которые однако сами еще не столкнулись съ динардой. Такъ поступали муравьи изъ вида *Sanguinea*, который не терпитъ въ своихъ гнѣздахъ динардъ, но любопытно, что примѣру *Sanguinea* слѣдовали находившіеся въ томъ-же муравейникѣ *F. Rufa* и *F. Pratensis*, т. е. такіе виды, которые обычно относятся вполне дружелюбно къ упомянутому жучку. (*Wasmann. Die psych. Fähig. 93—94*). Не приводя другихъ примѣровъ раздражительности у муравьевъ, отмѣченныхъ Васманомъ, укажемъ, что тотъ-же инстинктъ наблюдается и у пчелъ. Нѣкоторые опыты Фореля надъ полузакрытыми и искусственными цвѣтами астры, на которые пчелы очень падки, обнаруживаютъ эту способность и показываютъ условія, въ которыхъ она дѣйствуетъ. Приведемъ здѣсь опытъ Фореля, который хотѣлъ провѣрить, какъ пчелы относятся къ искусственнымъ цвѣтамъ. Для этой цѣли онъ взялъ пять бумажныхъ цвѣтковъ астры и листъ этого растенія (α красный цвѣтокъ, β бѣлый цвѣтокъ, γ голубой цвѣтокъ, δ бѣлый цвѣтокъ съ желтымъ сердечкомъ изъ вялаго листа, ε розовый бумажный цвѣтокъ съ сухимъ сердечкомъ астры, ζ зеленый листокъ астры); капнувъ по каплѣ меда на каждый изъ этихъ цвѣтковъ, онъ прикрѣпилъ ихъ подъ живыми цвѣтами астры.

«Четверть часа спустя, — рассказываетъ Форель, — совсемъ по близости отъ моихъ издѣлій пролетаетъ множе-

ство пчелъ, которыя однако не замѣчаютъ меда; стало быть, не обоняютъ его. На одинъ часъ я покидаю ихъ. Черезъ часъ на δ нѣтъ уже совсѣмъ меда; значить, оно было открыто пчелой; всѣ остальные неприкосновенны и остались незамѣченными. Я употребляю всѣ усилія, чтобы пододвинуть α поближе къ сидящей пчелѣ. Но вниманіе пчелъ до такой степени поглощено настоящими астрами, что я долженъ разъ пять повторять свою попытку, пока мнѣ не удастся подсунуть медъ прямо подъ хоботокъ пчелы. Тогда она сейчасъ-же начинаетъ тянуть медъ съ бумажнаго цвѣтка. Я кладу ей голубое пятнышко на спину, чтобы распознавать ее, и повторяю тотъ-же опытъ съ β и ϵ , при чемъ соответствующихъ пчелъ отмѣчаю желтымъ и бѣлымъ цвѣтомъ. Вскорѣ затѣмъ возвращается изъ улья улетѣвшая объ эту пору голубая пчела, которая летитъ сейчасъ-же къ α , выражая при этомъ нѣкоторое колебаніе, затѣмъ къ δ , гдѣ она и собираетъ кормъ, потомъ опять къ α ; во всякомъ случаѣ, она все время избѣгаетъ астры. Немного спустя, возвращается на β желтая пчела; она собираетъ на немъ пищу, потомъ летитъ къ α и δ , гдѣ тоже ѣсть; на астры она не обращаетъ вниманія такъ-же, какъ и голубая пчела. Вотъ прилетаетъ бѣлая, ищетъ ϵ , находитъ его не сразу и кормится на нѣсколькихъ астрахъ, сидя на каждой изъ нихъ по нѣсколькимъ мгновеніямъ, какъ будто ее мучитъ навязчивое представленіе о медѣ. Она возвращается къ искусственнымъ цвѣтамъ, воспріятіе которыхъ она, очевидно, еще не ассоціируетъ, какъ слѣдуетъ, съ воспоминаніемъ о вкусѣ меда, но въ концѣ концовъ находитъ отдѣлившуюся, нѣсколько опустившуюся часть ϵ и сосетъ на ней медъ. Три отмѣченныя пчелы носятся около цвѣтовъ, но только онѣ постоянно возвращаются къ искусственнымъ, не обращая уже никакого

вниманія на живыя астры. Весьма важенъ тотъ фактъ, что именно эти отмѣченныя пчелы самостоятельно, несомнѣнно на основаніи инстинктивнаго заключенія по аналогіи открываютъ другіе цвѣты (не тѣ, на которые онѣ сѣли въ первый разъ, когда были отмѣчены извѣстнымъ цвѣтомъ), послѣ того какъ обратили свое вниманіе на медъ одного изъ цвѣтковъ, которые отдѣлены другъ отъ друга и окрашены различно. Да вѣдь и астры, на которыя онѣ садились раньше, были разноцвѣтныя. Такъ голубая пчела летитъ къ α , β , γ и δ , желтая на β , α , δ и γ , бѣлая на ϵ , α , β и δ . Въ этомъ проходитъ полчаса. Запрятанный зеленый листокъ ξ не находится пчелами, очевидно потому, что онъ не отличается отъ зеленой листвы. Наконецъ одна пчела, вниманіе которой было, очевидно, вызвано тремя другими, садится на δ и ѣсть. Я отмѣчаю ее карминомъ. Тогда она летитъ на α и сгоняетъ голубую пчелу. Слѣдующая пчела, привлекаемая нами на ϵ , отмѣчена киноварью. Еще одна самостоятельно летитъ на β и отмѣчается зеленымъ цвѣтомъ. Уже 20 минутъ перваго (опытъ начался въ 9 часовъ). За это время всего 6 пчелъ познакомились съ искусственными цвѣтами, между тѣмъ какъ весь рой попрежнему стремится къ астрамъ. Но вотъ и другія пчелы начинаютъ замѣчать посѣтительницъ моихъ издѣлій. Одна, потомъ двѣ, затѣмъ три и все новыя и новыя слѣдуютъ за ними, и у меня уже нѣтъ красокъ, чтобы отмѣчать ихъ. Каждую минуту мнѣ приходится возобновлять медъ. Я иду обѣдать и возвращаюсь въ 1 часъ 25 минутъ. Въ это время семь пчелъ сидятъ на β , двѣ на α , одна на γ , три на δ , одна бѣлая на ϵ ; большая половина пчелъ оказывается новыми неокрашенными послѣдовательницами отмѣченныхъ. Съ этой минуты на искусственные цвѣты устремляется цѣлый рой пчелъ, который

слизываетъ послѣдніе остатки меда. И только теперь, спустя четыре слишкомъ часа, одна пчела изъ всего роя открываетъ ξ , до сихъ поръ не замѣчавшійся ими благодаря своему цвѣту, но полный меда».

Этотъ интересный опытъ Фореля, изложеніе котораго мы здѣсь прекращаемъ, указываетъ на инстинктивный, стадный характеръ раздражительности у пчелъ: это слѣдованіе въ буквальномъ смыслѣ слова, какъ и у муравьевъ, въ отмѣченныхъ Васманомъ случаяхъ. Всякой пчелѣ было бы выгоднѣе находиться на искусственныхъ цвѣтахъ, наполненныхъ медомъ, чѣмъ на живыхъ астрахъ, но поведеніе нѣсколькихъ пчелъ, упорно сидѣвшихъ на α , β и др., не обратило на себя вниманіе остальныхъ. Лишь послѣ того, какъ за одной пчелой полетѣла другая, къ этой маленькой группѣ присоединились новыя пчелы, пока наконецъ весь рой, какъ «свора собакъ», по выраженію Фореля, не бросился на цвѣты съ медомъ. О какомъ-нибудь сознательномъ подражаніи ни у муравьевъ, ни у пчелъ не можетъ быть, повидимому, и рѣчи; передъ нами инстинктъ со всѣми его особенностями, безсознательностью, цѣлесообразностью и принадлежностью виду, а не особи ¹⁾.

Научные изслѣдователи раздражительности у позвоночныхъ животныхъ (какъ Вундтъ, Thorndike, Morgan, Вл. Вагнеръ и др.) отрицаютъ у нихъ вовсе способность разсудочнаго подражанія (reflective imitation), ограничивая область послѣдняго инстинктомъ. «По всей вѣроятности, — замѣчаетъ Морганъ (Anim. Behav. 189), — подражаніе жи-

¹⁾ Объ инстинктѣ подражанія въ животномъ мірѣ см. спеціальное сочиненіе П. Бека «Die Nachahmung und ihre Bedeutung für Psychologie und Völkerkunde». Leipzig. 1904.

вотныхъ восходитъ къ инстинктивному поведенію и можетъ быть разсматриваемо, какъ характеристическій соціальный типъ послѣдняго». Въ книгѣ того-же изслѣдователя «Привычка и инстинктъ» цѣлая глава посвящена подражанію, которое играетъ такую видную роль въ техникѣ птичьяго пѣнія. «Я замѣтилъ, — говоритъ Морганъ, — что если группа цыплятъ научилась избѣгать личинокъ *Euschelia jacobiae*, и если къ нимъ привести одного или двухъ цыплятъ изъ другой группы, которые начинаютъ клевать этихъ личинокъ, то цыплята первой группы иногда опять схватываютъ ихъ, хотя иначе не обратили бы на нихъ вниманія». Подражательность приводитъ къ подчиненности. «Среди цыплятъ, выращенныхъ при экспериментальныхъ условіяхъ безъ помощи родителей и лишенныхъ возможности подражать старшимъ птицамъ, всегда есть одинъ или два дѣятельныхъ, сильныхъ, смысленныхъ и злыхъ экземпляра. Эти птицы являются руководителями выводка; прочія подражаютъ имъ. Присутствіе этихъ птицъ поднимаетъ общій уровень смысленности».

Инстинктъ подражанія пріобрѣтаетъ особенно большое значеніе въ жизни общественныхъ животныхъ, являясь однимъ изъ главныхъ средствъ къ сохраненію вида. Баранъ, который ведетъ за собою стадо, сторожевой гусь, тревога котораго передается всѣмъ гусямъ стада, могутъ служить примѣрами той пользы, которую приноситъ инстинктъ подражанія животнымъ одного вида, инстинктъ слѣпой, какъ и другіе. Овцы, бросившіяся вслѣдъ за бараномъ Панурга въ море, не разсуждали, слѣдовало-ли имъ идти за вожакомъ; у гусей «быстро поднимаются старики и стремглавъ бросаются за ними молодые, оглашая зыбучій берегъ и спящія въ туманѣ воды и всю окрестность такимъ пронзительнымъ, зычнымъ крикомъ, что

можно услышать его за версту и болѣе... и вся эта тревога бываетъ иногда отъ хорька и даже горноста, которые имѣютъ наглость нападать на спящихъ гусей» (Аксаковъ). Инстинктивный характеръ подражанія обнаруживается и въ неспособности подражающаго животного отличить существенное отъ посторонняго, выяснитъ предѣлы подражанія. Уже Эліанъ рассказываетъ объ обезьянѣ, которая была приучена путемъ подражанія ухаживать за дѣтьми, но обварила ихъ кипяткомъ; рассказы о ловлѣ обезьянъ основываются точно также нерѣдко на ихъ подражательности. Любопытный примѣръ инстинктивнаго подражанія приводитъ Hudson, авторъ сочиненія «The naturalist in La Plata» (3 изд. 1895), у котораго зоопсихологи черпаютъ, обыкновенно, много матеріала. Hudson рассказываетъ слѣдующее: «Кромѣ сосанія, важнѣйшимъ инстинктомъ молодыхъ ягнятъ, едва они могутъ стоять на ногахъ, является стремленіе слѣдовать за всякимъ удаляющимся предметомъ и бѣжать отъ всякаго приближающагося. Когда matka поворачивается и приближается къ ягненку, онъ отскакиваетъ назадъ, тревожно отбѣгаетъ и не понимаетъ ея голоса, когда она блеетъ; зато ягненокъ доверчиво бѣжитъ за человѣкомъ, собакой, лошадыо или другимъ звѣремъ, если они движутся передъ нимъ» (Groos. 186). Инстинктъ подражанія ограничивается лишь той областью, въ которой животное способно подражать. такъ, птица подражаетъ крику другой птицы или даже словамъ человѣка, но жестовъ, сопровождающихъ рѣчь послѣдняго, она не въ состояніи воспроизвести. При дрессировкѣ настоятельно рекомендуется однообразіе обстановки. Несмотря на свой инстинктивный характеръ, подражаніе сильно обогащаетъ умственную жизнь животного, создавая новыя ассоціаціи и привычки, а отсюда

приводя постепенно и къ образованію новыхъ инстинктовъ. Но это не единственный факторъ въ развитіи животной психики; рядомъ съ нимъ надо поставить индивидуальный опытъ животнаго, его личныя духовныя пріобрѣтенія, которыя направляютъ вкусы его въ опредѣленномъ направленіи, выражаясь въ видѣ пристрастій. Впрочемъ, и здѣсь развитіе ограничивается той областью, которая находится въ предѣлахъ дѣйствія инстинкта; за ними животное останется глухо ко всѣмъ впечатлѣніямъ бытія. Такъ, напр., профессиональные дрессировщики животныхъ, достигая очень сложныхъ результатовъ, должны обращаться къ инстинктивнымъ привычкамъ ихъ. Только развивая ихъ или примѣняя къ опредѣленной цѣли, можно пріучить животное совершать такія дѣйствія, которыя въ естественномъ состояніи животнаго чужды ему.

Книга Hachet Souplet «Le dressage des animaux» проводитъ эту мысль очень послѣдовательно и даетъ рядъ любопытныхъ примѣровъ того, какъ выученное движеніе совершенно вытѣсняетъ естественное. Собака, танцовавшая танецъ серпантинъ, во время котораго надѣтое на ней платье поднималось надъ ней въ видѣ разнообразныхъ фигуръ, была выдрессирована въ этомъ направленіи, благодаря тому, что инстинктивно махала лапами, когда на нихъ надѣвали браслеты. «Оставалось только упорядочить это движеніе», говоритъ, Hachet-Souplet (77)—и замѣнить браслеты соотвѣтствующимъ приборомъ. Лошадь хорошо запоминаетъ тонъ, и на этомъ основывается большинство результатовъ, достигаемыхъ дрессировкой; левъ, не перенося взгляда человѣка, который смѣло идетъ прямо на него, прыгаетъ черезъ поставленные на его пути препятствія такъ же, какъ инстинктивно дѣлаетъ это на свободѣ; кенгуру отъ природы защищается, становясь на зад-

нія ноги и боксируя передними, такъ что появившіеся лѣтъ десять тому назадъ борцы съ кенгуру, въ сущности, пользовались лишь инстинктами этого животнаго.

Возражая противъ неясностей терминологіи въ современной зоопсихологіи, Васманъ справедливо отмѣчаетъ основной инстинктивный характеръ ассоціацій у животнаго (*Instinct und Intelligenz*. 14). «Когда молодой муравей (*Formica Sanguinea*) впервые встрѣчается съ живущимъ въ его гнѣздѣ паразитомъ *Lomechusa strumosa* и, ощупавъ этого жучка щупальцами и получивъ при этомъ пріятное вкусовое ощущеніе, сейчасъ же начинаетъ его облизывать, то мы имѣемъ дѣло съ *инстинктомъ*; когда же муравей облизываетъ этого паразита во второй разъ, когда онъ уже познакомился съ пріятнымъ вкусомъ выдѣленій желтаго хохолка этого жучка, тогда въ этомъ облизываніи дѣйствуетъ, оказывается, уже *разумъ*. Нѣтъ-ли здѣсь какого-нибудь злоупотребленія словомъ разумъ? То, что здѣсь обозначается этимъ словомъ, заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ чувственной ассоціаціи представленій, въ которой *одинъ* элементъ восходитъ къ опыту. Сама же ассоціація имѣетъ однако *инстинктивную* природу, такъ какъ она основывается на бессознательныхъ ассоціаціонныхъ законахъ чувственной жизни; съ разумомъ въ настоящемъ смыслѣ слова она не имѣетъ ничего общаго». Отсюда множество ошибокъ ассоціацій, которыя оказываются иногда губельными для животнаго и всегда основаны на смѣшеніи по одному сходному признаку различныхъ предметовъ: оса бросается на гвоздь въ стѣнѣ, по сходству его шляпки съ мухой; «большіе водяные жуки съ роковой для нихъ силой бросаются на стеклянную раму парника, принимая ее за воду; птицы пытаются пить блестящіе черепки; молодые птицы, начиная

кормиться безъ посторонней помощи, пищатъ передъ кормомъ, въ надеждѣ, что онъ самъ направится къ нимъ въ клювъ и т. п.» (Бюхнеръ. 22—23). Все это дѣйствія, основанныя на инстинктивныхъ ассоціаціяхъ представленій.

Чѣмъ выше на лѣстницѣ психическаго развитія стоитъ животное, тѣмъ сильнѣе и скорѣе связываются его конкретныя представленія, и тѣмъ прочнѣе ихъ связь; тѣмъ болѣе, наконецъ, видоизмѣняется инстинктивное поведеніе подъ вліяніемъ опыта. По всей вѣроятности, исключительно инстинктивнаго поведенія въ природѣ не наблюдается вовсе (Morgan. 172), и Дарвинъ даже въ дѣятельности земляныхъ червей находитъ долю сознанія, поскольку она выражается въ измѣненіи поведенія подъ вліяніемъ опыта. У насѣкомыхъ высшаго порядка, у пчель, осъ, муравьевъ, опытъ играетъ, повидимому, довольно значительную роль. «Пелопей (оса) строитъ ячейки изъ грязи. Это—инстинктъ, неизмѣнный признакъ работника,—говоритъ Фабръ (414—415).—Гнѣзду, построенному изъ грязи, нужна защита отъ дождя. Сначала ему достаточно укромнаго мѣста подъ камнемъ, но если насѣкомое найдетъ что-нибудь лучшее, то завладѣваетъ имъ и поселяется въ жилищѣ человѣка. Здѣсь проявляется сознаніе — источникъ нѣкоторой способности къ усовершенствованію. Пелопей заготавливаетъ для своихъ личинокъ пауковъ. Это — инстинктъ. Климатъ, широта и долгота мѣста, теченіе времени, изобиліе или скудость этой дичи не измѣняютъ его режима, хотя личинка, какъ оказывается при искусственномъ выкармливаніи, можетъ удовлетворяться и другой пищей. Но если не встрѣчается крестовика, его любимой дичи, то перестанетъ ли пелопей заготавливать добычу? Среди безчисленнаго множества разнообразной дичи охотникъ умѣетъ отличать пауковъ отъ не-пау-

ковъ и можетъ такимъ образомъ снабжать пищею свое семейство, не выходя изъ области инстинктивныхъ дѣйствій. Если способъ работать не измѣняется, то матеріаль можетъ измѣняться. Мегашилы строятъ свои мѣшочки для меда изъ кружочковъ вырѣзанныхъ ими листьевъ. Нѣкоторыя антидін дѣлаютъ мѣшочки изъ пушка, которыя сбиваютъ въ войлокъ; другія насѣкомыя дѣлаютъ горшочки для меда изъ смолы. Это все проявленія инстинкта. Но растенія, изъ листьевъ которыхъ мегашилы вырѣзываютъ кружочки, и растенія, съ которыхъ антидін собираютъ пушокъ, измѣняются по видамъ, смотря по мѣстности; насѣкомыя, собирающія смолу, также собираютъ ее то съ кипариса, то съ кедра, то съ сосны и т. д. Здѣсь дѣйствія руководятся уже сознаниемъ».

Повидимому, Фабръ смѣшиваетъ здѣсь сознание съ личностью, ошибка, въ которую часто впадаютъ зоопсихологи (ср. замѣчанія Клапареда, стр. 486): сознанія нельзя отрицать, какъ и доказать, ни въ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ животнаго, ни въ разумныхъ поступкахъ человека; такимъ образомъ, Фабръ хочетъ сказать, кажется, лишь то, что разнообразіе матеріала и добычи, которыми пользуются насѣкомыя извѣстныхъ видовъ, основано на ихъ способности «разсуждать» по аналогіи; аналогія же возможна только благодаря ассоціаціямъ по сходству между разными породами смолистыхъ деревьевъ, пауковъ и такъ далѣе. Другими словами, наблюденія Фабра обнаруживаютъ лишь способность насѣкомыхъ измѣнять свое поведеніе подъ вліяніемъ ассоціацій, дающихъ животному новый опытъ. Но ассоціаціи эти восходятъ къ инстинкту, направляющему насѣкомое къ извѣстному дереву или добычѣ, а слѣдовательно могутъ не сопровождаться сознаниемъ личности, какъ субъекта дѣйствія.

Точно также лишь въ предѣлахъ инстинкта возникаютъ новыя ассоціаціи у муравьевъ. У Васмана мы находимъ слѣдующія строки (Psych. Fähigk. 87—88): «Такимъ образомъ, т. е. путемъ самостоятельнаго чувственного опыта животнаго, муравьи научаются напр. узнавать новыхъ настоящихъ муравьиныхъ жильцовъ (паразитовъ въ родѣ *Dinarda*, *Lomechusa strumosa* и др.), запахъ которыхъ сначала побуждаетъ ихъ къ враждебному нападенію. Но когда случайное прикосновеніе ихъ рта къ желтому хохолку жучка производитъ на нихъ пріятное впечатлѣніе, даетъ имъ пріятный опытъ, говорящій имъ, что здѣсь стоитъ полизать, враждебное поведеніе муравьевъ превращается черезъ нѣсколько мгновеній въ дружелюбное. Послѣ этого они реагируютъ на зрительное и вкусовое воспріятіе новаго паразита уже не враждебно, но даже наоборотъ: они ухаживаютъ за нимъ и кормятъ его. Даже другія, впоследствии присоединенныя особи той же породы жучковъ принимались муравьями дружелюбно *сразу*, хотя иногда они пахли чужимъ муравейникомъ. Это явленіе можно объяснить лишь тѣмъ, что вслѣдствіе наблюденій, сдѣланныхъ надъ первой особью, образовалась новая чувственная ассоціація, въ силу которой уже первое впечатлѣніе, производимое на муравья вторымъ жучкомъ, совершенно отличается отъ того, что было произведено первымъ при первой встрѣчѣ». Если, какъ мы видимъ, и въ данномъ случаѣ новыя ассоціаціи измѣнили поведеніе муравья, то все же мы не должны преувеличивать ихъ психологическаго значенія: такъ какъ *всѣ* муравьи въ этихъ условіяхъ поступаютъ такъ же, то значитъ они и не могутъ поступать иначе; другими словами, «обученіе» новому у муравьевъ имѣетъ вполне инстинктивный характеръ. Вноситъ-ли оно какую-нибудь инди-

видуализацію въ муравейникъ между отдѣльными особями, или же индивидуализація ограничивается цѣльными колоніями насѣкомыхъ и возникаетъ изъ подражанія особи, руководившейся «ошибкой» инстинкта (напр., муравей бросился на обычнаго паразита муравейника, а за нимъ послѣдовали его товарищи), — объ этомъ пока еще, кажется, трудно составить опредѣленное мнѣніе. Та индивидуализація въ защитѣ муравейника, о которой говоритъ Васманъ, и въ силу которой одинъ муравей становится въ оборонительную позу, другой бѣжитъ за яичками и т. п., можетъ восходить лишь въ различной органической предрасположенности насѣкомаго къ извѣстнымъ дѣйствіямъ. Здѣсь всегда легко стать на точку зрѣнія Бете, видящаго у муравьевъ лишь рефлекторныя дѣйствія, или Герстунга, утверждающаго, что поведеніе пчелъ «надо считать естественнымъ, вытекающимъ само собою слѣдствіемъ вліянія, которое оказываютъ различныя внѣшніе и внутренніе факторы (климатъ, время года, возрастъ пчелъ и т. п.)» (Flügel. 77). Такимъ образомъ, вопросъ легко разрѣшается въ философскій споръ о предѣлахъ воодушевленія и входитъ въ область теоріи познанія. Во всякомъ случаѣ, самая «ошибка» инстинкта есть уже зародышъ индивидуализаціи. Зато несомнѣнно вліяніе опыта на выработку индивидуальнаго поведенія птицъ, между прочимъ и ихъ пѣнія, которое имѣетъ ближайшее отношеніе къ темѣ нашей статьи. Сила и быстрота ассоціацій и память этихъ животныхъ извѣстны всѣмъ, кому случалось наблюдать домашнихъ птицъ, а также воробьевъ, голубей, аистовъ и др., держащихся около человѣческаго жилья. Но раньше, чѣмъ обратиться къ этому вопросу, воспользуемся нѣсколькими любопытными наблюденіями А. М. Быкова надъ птицами Царства Польскаго.

«Весною 1892 года, за досчатой обшивкой моей дачи, построила гнѣздо мухоловка, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, въ широкомъ дуплѣ старой вербы, поселился полевой воробей. Обѣ парочки прекрасно уживались другъ съ другомъ, и самца мухоловки часто можно было видѣть сидящимъ на сухомъ пучкѣ почти надъ самымъ гнѣздомъ воробья. Все шло прекрасно до тѣхъ поръ, пока у воробьевъ не выклюнулись птенцы, которые своимъ громкимъ пискомъ скоро привлекли вниманіе самца мухоловки. Изъ окна дачи мнѣ было отлично видно, какъ волновалась мухоловка какъ бы изъ-за желанія удовлетворить своему любопытству, но, вѣроятно, этому мѣшали безпрестанно прилетавшіе съ кормомъ родители; наконецъ она таки не вытерпѣла и, воспользовавшись моментомъ, когда птицъ около гнѣзда не было, спустилась со своего сучка и влетѣла въ дупло. На несчастіе почти одновременно съ нею прилетѣлъ и воробей; нѣсколько мгновений въ дуплѣ происходила борьба, сопровождаемая отчаяннымъ чириканьемъ обѣихъ птицъ, затѣмъ оттуда вылетѣла вся взъерошенная мухоловка, а за нею показался и воробей съ двумя хвостовыми перьями мухоловки въ клювъ. Послѣ такого урока хорошія отношенія сосѣдей ничѣмъ болѣе не нарушались, но мухоловка *перестала садиться на свой излюбленный сучокъ*».

Тотъ-же авторъ рассказываетъ объ интересномъ измѣненіи инстинкта подъ вліяніемъ опыта. Дѣло идетъ о прирученіи, къ которому, какъ оказывается, способны не только позвоночныя животныя, но и насѣкомыя: Васману удалось приучить муравья, который сначала топорщился при видѣ его пальца, ѣсть съ него медъ. По словамъ Быкова, «сѣрая мухоловка въ Отвоцкѣ сдѣлалась, подобно ласточкамъ, полудомашнею птицей, а это, въ свою оче-

редь, не могло не отразиться на ея характерѣ, и я полагаю, что съ одной стороны почти полная безопасность позволила мухоловкамъ отрѣшиться въ нѣкоторой степени отъ такихъ привычекъ, которыя, въ связи со скромнымъ сѣрымъ опереньемъ и слабымъ голосомъ, дѣлаютъ ее мало замѣтной и служатъ средствомъ защиты отъ враговъ, а съ другой—обиліе тѣни, позволяющее 2—3 парамъ гнѣздиться около одной дачи, содѣйствовало въ значительной мѣрѣ сближенію вообще неуживчивыхъ и сварливыхъ птицъ».

Различія разныхъ родовъ пищи по вкусу распознаются птицами также лишь путемъ опыта. Инстинктивно всѣ онѣ пугаются большихъ приближающихся предметовъ, будь это листъ газетной бумаги, несущійся по вѣтру, или звѣрь; инстинктивно онѣ хватаютъ маленькіе предметы, но дальнѣйшее принадлежитъ опыту. Наблюденія Моргана надъ птицами, выведенными въ инкубаторахъ, обнаруживаютъ всю силу вліянія личнаго опыта на поведеніе птенцовъ. Цыплята водяной курочки «клевали и хватали все подходящее по величинѣ». Повидимому, не существуетъ унаслѣдованнаго различія питательныхъ предметовъ, а также вкусныхъ и невкусныхъ. Это уже дѣло индивидуальнаго опыта. Впрочемъ, скоро они выучиваются различать годное для употребленія въ пищу отъ непріятнаго, и быстро ассоціируютъ внѣшній видъ съ вкусомъ. Одинъ цыпленокъ водяной курочки, двухъ дней отъ роду, научился клевать кусочки яичнаго желтка, отличая ихъ отъ кусочковъ бѣлка. Я вырѣзалъ маленькіе кусочки изъ апельсиновой корки, приблизительно такой-же величины, какъ кусочки желтка, и скоро цыпленокъ схватилъ одинъ кусочекъ корки, но тотчасъ-же бросилъ, покачавъ головой. Взявъ другой кусокъ, онъ подержалъ его немножко

въ клювъ, но затѣмъ выпустилъ и почесалъ основаніе своего клюва. Этого было достаточно; кусочки корки перестали соблазнять его. Тогда противные для него кусочки были удалены, и на мѣсто ихъ положены были кусочки яичнаго желтка, но и эти кусочки остались нетронутыми, такъ какъ, вѣроятно, принимались за кусочки апельсиновой корки. Спустя нѣкоторое время, цыпленокъ сталъ поглядывать нерѣшительно на желтокъ, но сначала клюнулъ съ сомнѣніемъ, не хватая, а только касаясь желтка. Затѣмъ онъ опять клюнулъ, схватилъ кусочекъ и проглотилъ». Дальнѣйшіе опыты Моргана въ томъ-же направленіи заставили его признать въ окончательномъ выводѣ, что у птицъ (и другихъ животныхъ) «ассоціація идей сильна и образуется быстро, какъ результатъ индивидуальнаго пріобрѣтенія».

Ни въ чемъ однако не проявляется такъ ярко инстинктивный характеръ ассоціацій у животныхъ, какъ въ быстромъ запоминаніи птицами пространственныхъ отношеній, и у видовъ, склонныхъ къ подражанію крикамъ другихъ птицъ, въ усвоеніи себѣ новой манеры кричать, пѣть, свистать, говорить. Оставляя послѣднее до того момента, когда будемъ говорить о рѣчи животныхъ, обратимся къ ассоціаціямъ птицъ въ области пространственныхъ отношеній. Удивительный инстинктъ направляетъ перелетъ птицъ съ сѣвера на югъ и обратно: не видя на той недосыгаемой высотѣ, на которой перелетная птица держитъ свой путь, никакихъ внѣшнихъ признаковъ дороги, какая-нибудь маленькая пташка (напр., сѣверная птичка *Sylvia borealis*) несется ночью и одиноко прямо къ тѣмъ мѣстностямъ Африки, куда ведетъ ее инстинктъ. Если здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ ассоціаціяхъ, указывающихъ направленіе полета (наблюденія Gättke,

въ продолженіе полувѣка изучавшаго перелетъ птицъ, у Altum 233—236), то все же инстинктъ покровительствуетъ возникновенію такихъ ассоціацій въ другихъ случаяхъ. Такъ, нѣсколько стай голубей, спасаясь отъ сокола, продѣлываютъ въ воздухѣ совершенно тѣ-же очень сложныя движенія, которыя были совершены первой стаей и затѣмъ усвоены путемъ подражанія другими.

Многочисленные рассказы объ умѣ птицъ, поскольку они не преувеличены и не раскрашены неисчерпаемой фантазіей рассказчиковъ, что бываетъ въ большинствѣ случаевъ, сводятся къ возникновенію новыхъ ассоціацій, къ приобрѣтенію индивидуальнаго опыта, и это есть предѣлъ познанія не только у птицъ, но и у высшихъ животныхъ. Та память, которая можетъ быть имъ приписана, не отличается отъ человѣческой ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніяхъ; правда, человѣкъ не только сильнѣе и быстрѣе запоминаетъ отношенія, но и разумнѣе въ своемъ запоминаніи; представленія иногда ассоціируются у него благодаря ихъ внутреннему содержанию, «въ силу воспринятыхъ отношеній», какъ замѣчаетъ Морганъ, посвятившій памяти двѣ главы въ своей интересной книгѣ «Introduction to comparative psychology». Память животныхъ руководится по преимуществу ассоціаціями по смежности, т. е. носитъ характеръ случайности; однако «разсужденія по аналогіи», которыя мы видѣли уже у пчелъ, которыя, далѣе, позволяютъ птицамъ брать для своихъ гнѣздъ матеріалъ новаго происхожденія въ родѣ обрѣзковъ матеріи и т. п. вещей, не указанныхъ инстинктомъ гнѣздостроенія, эти заключенія по аналогіи становятся возможны лишь при существованіи ассоціацій по сходству. Съ другой стороны, элементъ случайный не отсутствуетъ и въ ассоціаціяхъ человѣче-

ской памяти, и особенно ярко проявляется въ психической жизни дикарей, у дѣтей и простонародья культурныхъ народовъ. Такимъ образомъ, нельзя признать правильной точку зрѣнія Моргана, согласно которой память у животныхъ носитъ характеръ случайный, а у человѣка систематическій ¹⁾. Напротивъ, по наблюденіямъ Ціона, ассоціаціи по сходству представляютъ исключеніе и подавляются множествомъ ассоціацій по смежности. Дѣло не въ томъ, какъ связываютъ свои представленія духовные организмы, но въ томъ, какъ они ихъ перерабатываютъ: если животное непосредственно отъ воспріятія переходитъ къ дѣйствию, то это представляетъ существенное отличіе отъ образа дѣствій человѣка, который не только дѣйствуетъ, но и разсуждаетъ.

Какъ-бы глубоко мы ни погружались въ умственную жизнь животныхъ, мы не выходимъ изъ предѣловъ ассоціацій. Когда ворона улетаетъ отъ человѣка съ ружьемъ, или тигръ нападаетъ на невооруженнаго человѣка и избѣгаетъ вооруженнаго, то передъ нами не разсужденія животныхъ, но дѣйствія, связанныя съ ассоціаціями. Ворона, ни разу не испугавшаяся ружейнаго выстрѣла, не улетитъ отъ ружья, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что ружье, какъ предметъ, ей невѣдомый, можетъ представлять для нея опасность. Случай, сведшій ее съ охотникомъ, былъ источникомъ новой ассоціаціи, которая направила поведеніе вороны въ опредѣленномъ смыслѣ. Въ книгѣ «Animal Behaviour» Морганъ описываетъ недоумѣ-

¹⁾ Вообще, однако, вопросъ объ ассоціаціяхъ (которыя, можетъ быть, всѣ сводятся къ ассоціаціямъ по смежности) еще очень далекъ отъ ясности. Ср. исчерпывающее предметъ изслѣдованіе Клапареда.

ніе его собаки, когда ей пришлось съ палкой въ зубахъ пролѣзть черезъ изгородь, звенья которой были настолько рѣдки, что безъ палки она свободно проскользнула между ними. Трагикомическое положеніе собаки, у которой палка постоянно застрявала между звеньями изгороди, какъ она ни вертѣла головой, показываетъ, что она въ данномъ случаѣ не исходила изъ соображенія, потому что стоило ей взять палку за конецъ, а не по середкѣ, чтобы голова съ палкой свободно прошла въ изгородь. И только случайно она достигла своей цѣли. «Таково поведеніе, основанное на умѣ животныхъ (intelligence, которое Морганъ приписываетъ животнымъ въ отличіе отъ человѣческаго разума — reason) — постоянные опыты и неудача, пока удачный результатъ не достигнутъ—не съ помощью методическаго разсужденія, но благодаря случаю».

Это справедливое замѣчаніе не слѣдуетъ упускать изъ виду при оцѣнкѣ довольно многочисленныхъ свидѣтельствъ объ изобрѣтеніяхъ и орудіяхъ животныхъ, свидѣтельствъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя заслуживаютъ довѣрія, такъ какъ принадлежатъ точнымъ и опытнымъ наблюдателямъ. Обезьяна, которая, завертѣвъ около перекладки свою веревку, качается на ней, какъ на качеляхъ, естественно могла придти къ такому изобрѣтенію, когда однажды запуталась у столба; собака, скатывающаяся съ горы на спинѣ, могла придумать этотъ удобный способъ передвиженія, когда однажды, катаясь по склону горы на спинѣ съ цѣлью избавиться отъ докучныхъ обитателей своей шерсти, скатилась внизъ; такъ-же могли дойти до катанія съ горъ серны, если только разсказъ Брема основанъ на правильномъ воспроизведеніи дѣйствительности. Элементъ изобрѣтенія, который видитъ во всѣхъ этихъ случаяхъ Groos (стр. 109—110 и 114), по

моему мнѣнію, здѣсь выраженъ довольно слабо. Только тамъ, гдѣ дѣйствіе повторяется съ опредѣленной послѣдовательностью и особенно когда оно совершается съ помощью орудій, можно говорить объ изобрѣтеніи. Поразительное свидѣтельство въ этомъ родѣ принадлежитъ Пекгэму. «Мы хотимъ рассказать объ одной маленькой осѣ, — говоритъ онъ, — индивидуальность которой запомнилась намъ отчетливѣе, чѣмъ другихъ осъ. Работая надъ своимъ гнѣздомъ, она совывала голову внутрь и скусывала всѣ шероховатости съ земляныхъ стѣнокъ, роняя ихъ на полъ норки и затѣмъ, когда ихъ набиралась цѣлая кучка, притискивая головой. Затѣмъ приносилась новая земля, придавливалась къ стѣнкамъ, съ которыхъ опять выкусывались всѣ выступы. Когда-же она, наполняя свое гнѣздо, дошла до уровня земли, она принесла множество мелкихъ кусочковъ грязи на это мѣсто и, взявъ въ челюсти маленькій камешекъ, принялась бить по нимъ, какъ молотомъ, этимъ камнемъ съ помощью быстрыхъ ударовъ, пока это мѣсто не сдѣлалось такимъ-же твердымъ и крѣпкимъ, какъ окружающая поверхность. Прежде чѣмъ мы успѣли опомниться отъ удивленія, оса бросила камень и принесла новой земли; минутой спустя, она опять утрамбовывала это мѣсто съ помощью своего инструмента. Нѣсколько разъ она повторяла свой маневръ, и наконецъ маленькое созданіе улетѣло».

Здѣсь передъ нами, повидимому, дѣйствительно изобрѣтеніе, совершенное въ предѣлахъ инстинкта и обязанное своимъ происхожденіемъ случаю. Легко допустить, что оса, таская землю къ норкѣ, принесла и камень, который ей пришлось держать въ челюстяхъ; этотъ камень она притискивала къ землѣ, какъ всякій другой мусоръ, но онъ казался пригоднѣе для ея цѣлей, чѣмъ всякій другой

матеріаль. Отсюда асоціація, связавшая употребленіе камня, какъ орудія, съ опредѣленнымъ дѣйствіемъ. Возможно, что это и такъ, но возможно, что толкованіе Пекгэма основано на заблужденіи; развѣ нельзя предположить, что камнемъ она хотѣла воспользоваться, какъ всякимъ другимъ мусоромъ, и что она попробовала прибить его такъ-же, какъ дѣлала съ этимъ послѣднимъ. Но камень оказался непригоденъ; оса улетѣла за новымъ матеріаломъ, пустила его въ ходъ, но потомъ, когда онъ былъ исчерпанъ, увидѣла по близости тотъ-же камешекъ, который уже пробовала примѣнить къ дѣлу; совершенно забывъ о своей неудачной попыткѣ, какъ забываетъ оса и другія свои дѣйствія (напр., то, что она уже осмотрѣла свою норку, въ опытахъ Фабра), она снова и снова беретъ въ челюсти камень и старается съ той-же безуспѣшностью притиснуть его къ землѣ. Право, мнѣ кажется, что такое объясненіе находится болѣе въ связи съ тѣмъ, что мы знаемъ о «разумѣ» осъ, чѣмъ толкованіе Пекгэма. По крайней мѣрѣ, выяснено, что тѣ изобрѣтенія, которыя приписывались муравьямъ, вовсе не оказываются такими: такъ, напр., чистая легенда—разказы о мостахъ, которые прокладываютъ по липкимъ мѣстамъ дерева муравьи (ср. *E. Wasmann. Vergleich. Stud.* 98—99). Оставляя въ сторонѣ другіе разказы объ орудіяхъ и изобрѣтеніяхъ у животныхъ, которые, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, дышатъ самымъ забавнымъ антропоморфизмомъ (ср. напр. *Fr. Schultze* 88, соотвѣтствующіе отдѣлы у Линдсея и т. под.),—скажемъ только, что и они не выходятъ за предѣлы случайныхъ асоціацій по смежности между представленіями о дѣйствіи и результатѣ. При той силѣ, съ которою асоціаціи завладѣваютъ всей духовной жизнью животныхъ, естественно, что случай

можетъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ превратиться въ привычку, въ своего рода манію.

Дрессировщики животныхъ хорошо знакомы съ этой особенностью своихъ воспитанниковъ и стремятся именно привить имъ такія навязчивыя идеи, которыя Nachei Souplet называетъ *les tics*. Въ его сочиненіяхъ «*Examen psychologique des animaux*» и «*Dressage des animaux*» находимъ рядъ примѣровъ этого рода. Одна лошадь, обученная испанскому шагу, постоянно вытягиваетъ впередъ ногу, какъ нужно при этомъ шагѣ, когда собирается ѣсть овесъ; осель съ утра до ночи, «почти не давая себѣ отдыха, исполняетъ *le balancer*»; одна дрессированная собака «не могла дѣлать никакого прыжка, кромѣ сальто-мортале назадъ; когда передъ ней держали палку, она сейчасъ-же принималась совершать такіе прыжки», хотя вообще они дѣлаются черезъ предметы, находящіеся позади прыгающаго; дрессировка тигровъ и львовъ сводится къ установленію извѣстныхъ маній у этихъ дикихъ звѣрей, которые становятся неопасны, когда навязчивая идея уже внушена имъ; особенно склонны къ маніямъ медвѣди, не забывающіе дрессировки много лѣтъ спустя послѣ возвращенія на волю; кавалерійская лошадь начинаетъ «плясать» при звукахъ военной музыки, даже покончивъ свою военную службу и т. п.

Вообще, очень легко приписать иниціативѣ животного такія дѣйствія, которыя оно совершаетъ лишь въ силу дрессировки. Такія умныя существа, какъ слоны или собаки, легко сохраняютъ новыя ассоціаціи представленій, запоминаютъ очень сложныя дѣйствія и воспроизводятъ ихъ съ безукоризненной точностью при соотвѣтствующемъ возбужденіи. Такъ, слонъ «совершаетъ многія дѣйствія по малѣйшему знаку своего жоака, указанія котораго трудно

замѣтитъ и человѣку, не посвященному въ тайны дрессировки. Это вело ко многимъ недоразумѣніямъ; напр., сэръ Emerson Tennent, рассказывая о поведеніи ручныхъ слоновъ на Цейлонѣ при ловлѣ дикихъ, говоритъ, между прочимъ, что ручные слоны проявляютъ полное пониманіе всѣхъ дѣйствій, направленныхъ къ намѣченной цѣли, и самой этой цѣли. Они предусмотрительно замѣчаютъ всякое затрудненіе и всякую опасность и по собственной инициативѣ принимаютъ мѣры къ ихъ избѣжанію». (Flügel. 76). Изъ тѣхъ чудесъ мудрости, которыя приписываются собакамъ, рассмотримъ слѣдующій рассказъ нѣкоего «помощника машиниста», принятый Фово де-Курмелемъ въ его книгу «Les facultés mentales des animaux» (стр. 111).

«Собака, принадлежавшая машинисту локомотива № 86, который ходитъ по линіи Denver и Rio Grande Rail, можетъ быть названа однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ образчиковъ ума животныхъ ея рода. Хозяинъ ея, жившій въ Салидѣ (въ штатѣ Колорадо), взялъ собаку съ собою на локомотивъ, на которомъ они ѣздили въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ; собака въ эту пору было шесть мѣсяцевъ; сначала она выказывала признаки сильнаго страха, но потомъ скоро привыкла. Теперь собака входитъ въ амбаръ, гдѣ стоитъ двадцать восемь локомотивовъ, узнаетъ среди нихъ свой, садится на него и во время отсутствія хозяина защищаетъ его отъ всѣхъ проходящихъ. Во время хода поѣзда она садится около кочегара, выставивъ впередъ двѣ лапы и голову съ цѣлью наблюденія за путемъ, который проходитъ по широкимъ равнинамъ, гдѣ бродятъ стада. Она чувствуетъ эти послѣднія за милю; при видѣ стада собака приходитъ въ волненіе и не переставая смотритъ то на нихъ, то на хозяина, какъ будто

желая дать ему понять всю серьезность положенія. Чѣмъ ближе, тѣмъ болѣе она волнуется; приходится останавливать поѣздъ, чтобы не раздавить животныхъ, которыхъ не удерживаетъ никакая заграда; тогда собака соскакиваетъ съ локомотива, бросается на пасущееся стадо и не успокаивается до тѣхъ поръ, пока не очиститъ пути. Когда надобно снестись съ поселеніями, расположенными иногда на значительномъ разстояніи отъ желѣзной дороги, собакъ привязываютъ на шею письмо; она сейчасъ-же возвращается съ отвѣтомъ. Она повинуется первому сигналу машины, къ которой привыкла, между тѣмъ какъ свистки и звонки другихъ локомотивовъ оставляютъ ее совершенно равнодушной; точно также она не теряетъ своего спокойствія, когда встрѣченныя стада пасутся по обѣимъ сторонамъ дороги и не представляютъ никакой опасности».

Описанная собака принадлежитъ, дѣйствительно, къ числу умныхъ экземпляровъ своей породы, но ничего выходящаго за предѣлы внушенныхъ дрессировкой ассоціаций мы здѣсь не находимъ: ужъ тотъ фактъ, что собака сочетала свои дѣйствія лишь съ свистками опредѣленнаго локомотива, указываетъ на ассоціаціонный характеръ ея поведенія. Съ другой стороны, весьма вѣроятно, что рассказъ «помощника машиниста» страдаетъ неполнотой и неточностью: такъ, можно усомниться въ томъ, что собака сама различала условія, представлявшія или не представлявшія опасности, требовавшія или нѣтъ ея услугъ. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ передъ нами была-бы тоже дрессировка. Опытъ, какъ источникъ новыхъ ассоціаций, играетъ главную роль въ такихъ дѣйствіяхъ животнаго, гдѣ оно дѣйствуетъ безъ вмѣшательства человѣческой воли или вопреки ей.

Собака, которая вылезала из своего ошейника ночью, отправлялась грабить, а утром снова влезала в ошейникъ, представляет на первый взглядъ признаки разумнаго разсужденія, но подробности ея поведенія намъ совершенно неизвѣстны (F. de Courmelles. 102). Легко впасть въ антропоморфизмъ, но уже тотъ фактъ, что собака сама возвращалась на свою цѣпь, указываетъ, повидимому, на ея привычку ночью бродить безъ цѣпи; вѣроятно, ее и спускали прежде на ночь съ цѣпи, пока она не обнаружила своихъ преступныхъ наклонностей. Другая собака, дѣйствія которой мастерски проанализированы Вундтомъ въ его «Лекціяхъ о душѣ челоуѣка и животныхъ», убѣгала въ субботу утромъ изъ дому, потому что ее въ этотъ день обыкновенно мыли; уборка, начавшаяся въ домѣ съ утра въ субботу, предупреждала ее о близости неприятности, и собака по своему старалась избѣгнуть ея.

Опытъ не только создаетъ новыя ассоціаціи, но и придаетъ имъ большую точность. У одной кошки воспріятіе шуршащей бумаги связалось съ представленіемъ о прогулкѣ къ мяснику, которая представляла ей извѣстныя выгоды. «Но послѣ того, какъ она была обманута нѣсколько разъ шуршаніемъ бумаги, за которымъ не слѣдовала прогулка, она должна была призадуматься и научилась узнавать шуршаніе толстой сѣрой бумаги, въ которую мясники обыкновенно завертываютъ говядину». (F. de Courmelles. 104). Такимъ образомъ, опытъ установилъ болѣе точную ассоціацію, чѣмъ та, которая возникла у кошки сначала.

Прежде чѣмъ коснуться роли ассоціаціи въ дѣятельности воображенія у животныхъ, разсмотримъ свидѣтельства объ ихъ умѣ, приводимыя популярными толковате-

лями зоопсихологіи, и разберемъ, какого рода познанія они должны приписывать животнымъ, чтобы ихъ точка зрѣнія могла быть признана правильною. Случаи, которые я привожу здѣсь, изложены Бремемъ и имѣютъ типическій характеръ; подобными наполнены фоліанты Брема, книги Эванса, Бюхнера, Линдсея, Перти и др., при чемъ тѣмъ-же самымъ свѣтомъ освѣщена психика и насѣкомыхъ, и птицъ, и млекопитающихъ. Вотъ что рассказываетъ Бремъ.

Одного медвѣдя, содержавшагося въ Jardin des Plantes, хотѣли анатомировать, но раньше нужно было его убить; были пущены въ ходъ различные яды, но звѣрь ихъ извергалъ. *Acidum prussicum*, самый страшный изъ ядовъ, постигла такая-же неудача; медвѣдь пополоскалъ въ своемъ бассейнѣ отравленный хлѣбъ и потомъ съѣлъ его. — Чтобы признать за поступкомъ медвѣдя разумность, какъ это дѣлаетъ нашъ источникъ, надо признать, что медвѣдь понялъ намѣренія людей, желавшихъ его отравить, и что онъ зналъ, какъ обезвредить данный ему кусокъ хлѣба. Вмѣсто того, чтобы приписывать медвѣдю проникновеніе въ намѣренія людей, языка которыхъ онъ не понимаетъ, и съ которыми онъ былъ знакомъ лишь въ лицѣ одного ихъ представителя, чистившаго его клѣтку и дававшего ему пищу, вмѣсто того, чтобы такимъ образомъ подозрѣвать у медвѣдя болѣзненную манію преслѣдованія, — припомнимъ, что смоченный предметъ теряетъ запахъ: такъ, выкупанный муравей подвергается нападению своихъ соплеменниковъ, такъ какъ теряетъ запахъ своего муравейника (ср. *Bethe*. 21). Дурно пахнувшій отравленный кусокъ хлѣба былъ омытъ медвѣдемъ въ силу его унаслѣдованнаго или пріобрѣтеннаго опыта, научившаго его уничтожать дурной запахъ добычи (а медвѣдь очень разборчивъ

въ этомъ отношеніи) съ помощью полосканія ея въ водѣ. Что вмѣстѣ съ тѣмъ погибъ и ядъ, это было ужъ не его дѣло.

По другому разсказу Брема, бѣлый медвѣдь ускользнулъ отъ своихъ преслѣдователей, положившихъ петлю на проруби, благодаря цѣлому ряду остроумныхъ манипуляцій. Онъ снялъ одной лапой петлю съ другой; во второй разъ онъ искусно прошелъ мимо западни; въ третій, когда петля была прикрыта снѣгомъ, онъ отстранилъ ее лапой и вышелъ спокойно на ледъ. — И здѣсь, оказывается такимъ образомъ, медвѣдь перехитрилъ людей въ силу своего умственного перевѣса надъ ними: онъ сообразилъ, что медвѣдей ловятъ съ помощью петли, которой онъ однако еще никогда не видалъ доселѣ, и т. п. Гораздо проще допустить, что прежде, чѣмъ выйти на поверхность льда, бѣлый медвѣдь отодвигаетъ препятствія, не разбирая, петля-ли это или западня; его манера избавиться отъ петли не заключаетъ въ себѣ ничего разумнаго. Иначе слѣдовало-бы допустить, что и обезглавленная лягушка, потирающая лапкой другую ножку, обожженную кислотой, дѣйствуетъ по разумнымъ побужденіямъ. Такимъ способомъ и обезглавленная лягушка можетъ снять петлю съ лапки.

Въ дѣятельности воображенія у животныхъ мы замѣчаемъ то-же свободное теченіе ассоціацій, не провѣряемое самоконтролемъ. Томпсонъ, авторъ книги «Passions of animals», разсказываетъ, что его собака, отказывавшаяся брать сухой хлѣбъ, охотно подхватывала бросаемые ей куски, омоченные въ соусъ отъ жаркого, лежавшаго на тарелкѣ; такъ-же охотно она брала и такіе куски, которые Томпсонъ теръ о дно уже сухой тарелки. Здѣсь, по справедливому замѣчанію Фово де Курмея (стр. 127), вообра-

женіе господствовало надъ вкусомъ и обоняніемъ. Молодые утята Моргана, полоскавшіеся въ жестяной чашкѣ, въ которую лишь въ первый разъ, когда они пришли купаться, была налита вода; лошадь, пугающаяся ночью тѣни дерева; волкъ, который, повинувшись цѣлой системѣ «иллюзій», плодовъ разстроеннаго воображенія, видитъ западню и врага тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и т. п. — всѣ эти животныя *подчинены* своей фантазіи. Не господствуя надъ ней силой самонаблюденія, какъ поэты и мыслители изъ людей, животныя переходятъ подъ вліяніемъ воображенія отъ дѣйствія къ дѣйствию, не способныя такимъ образомъ обогатить свою духовную жизнь міромъ грезъ.

Какъ ассоціаціи, такъ и дѣятельность воображенія, на нихъ основанная, возможны лишь при существованіи того матеріала, который ассоціируется, т. е. представленій, которыя проходятъ черезъ сознаніе животнаго, возникая изъ воспріятій внѣшняго міра и внутреннихъ состояній живого существа. Образъ—это та форма, въ которую выливается въ каждую данную минуту міросозерцаніе животнаго. О природѣ его въ послѣднее время было много споровъ, и въ трудахъ Рибо, Гефдинга, Эмери и др. мы находимъ опредѣленіе тѣхъ формъ, которыя можетъ принять образъ въ психикѣ животнаго, и «логики образовъ», управляющей его разсужденіями. Однако эти послѣднія самымъ существеннымъ образомъ отличаются отъ человѣческихъ: животныя *не думаютъ*, но *дѣйствуютъ*, повинувшись непроизвольному, не зависящему отъ ихъ воли соединенію представленій; умозаключеній, контролируемыхъ сознаніемъ, выраженныхъ отчетливо, мы не находимъ у животныхъ. «Ихъ матеріальное сужденіе—*indicium materiale* схоластической философіи—есть сложное конкретное представленіе, которое только человѣческой разумъ можетъ

разрѣшатъ въ формальное *ratiocinium*. Что само животное при этомъ не мыслить *логически*, вытекаетъ уже изъ самого обозначенія этого заключенія, какъ формальнаго» (*Wassman. Instinct und Intelligenz. 59*).

Представленія основываются на воспріятіяхъ. Нѣтъ-ли у животныхъ такихъ чувствъ, которыя, въ силу несовершенства воспринимающихъ органовъ у человѣка, недоступны этому послѣднему? Не играютъ-ли у животныхъ нѣкоторыя изъ общихъ человѣку и животному воспріятій такой познавательной роли, которой они не имѣютъ у насъ? На первый изъ этихъ вопросовъ положительнаго отвѣта дать невозможно: если такія чувства и есть, то они непознаваемы для человѣка уже потому, что для нихъ нѣтъ у него даже соответствующаго орудія познанія. Но можно, кажется, сказать, что нѣкоторыя совсѣмъ непонятныя для насъ явленія, въ родѣ нахожденія осой, перенесенной въ коробочкѣ на разстояніе нѣсколькихъ верстъ, или голубемъ, перевезеннымъ на далекое разстояніе въ закрытомъ, да еще вращающемся ящикѣ, своихъ жилищъ, — основываются на какихъ то воспріятіяхъ, человѣку совсѣмъ недоступныхъ, хотя инстинктъ мѣстонахожденія, какъ мы уже видѣли, проявляется иногда въ очень слабой степени и у людей. Впрочемъ, уже самая слабость и неопредѣленность его въ такихъ случаяхъ указываетъ скорѣе всего на то, что человѣкъ въ нахожденіи мѣста руководствуется не инстинктомъ, всегда смѣлымъ и самоувѣреннымъ, но воспріятіями пространства; бóльшая наблюдательность одного человѣка передъ другимъ въ этомъ отношеніи даетъ ему и перевѣсъ въ мѣстонахожденіи ¹⁾.

¹⁾ Весьма интересную статью объ инстинктѣ ориентации у человѣка и животныхъ написалъ Р. Bonnier (*Le sens du retour. Revue Philos. 1903. Июль. Стр. 30—50*), который находитъ физиологическую

Что касается второго вопроса, то нѣтъ сомнѣнія, что воспріятія обонянія, имѣющія такъ мало значенія въ умственной жизни человѣка, пріобрѣтаютъ выдающееся познавательное значеніе въ жизни нѣкоторыхъ животныхъ: напр., у обезьяны, собаки, муравья; съ помощью органовъ обонянія, какъ полагаетъ Васманъ (Psych. Fähigk. 59—60), муравьи сообщаютъ своимъ соплеменникамъ о своихъ «настроеніяхъ», хотя эти сообщенія не могутъ быть сознательными, понимаются инстинктивно и заключаются въ томъ, что извѣстныя состоянія организма сопровождаются опредѣленными запахами. Уже потому нѣтъ никакой возможности, какъ это дѣлаетъ Маутнеръ, говорить о «языкѣ запаховъ» (Geruchssprache).

Воспріятія обонянія, которыя у наиболѣе развитыхъ животныхъ, какъ собака, обезьяна, муравей, занимаютъ равноправное, если не главенствующее положеніе по отношенію къ слуховымъ и зрительнымъ воспріятіямъ, опредѣляютъ конкретный характеръ ихъ духовной жизни. За предѣлы конкретныхъ представленій познавательныя способности животныхъ не выходятъ, и то отвлеченное мышленіе, которое имъ можетъ быть приписано, сводится въ концѣ концовъ, какъ полагаютъ Рибо и другіе психологи, къ образованію родовыхъ представленій. Однако — могутъ возразить на это — нѣкоторая способность счисленія, наблюдаемая у животныхъ, предполагаетъ способность мыслить абстрактно, создавать числовыя отношенія.

основу этого инстинкта въ устройствѣ извѣстныхъ органовъ (у позвоночныхъ, напр., въ устройствѣ лабиринта въ ухѣ); т. обр. инстинктъ сводится, по мнѣнію Боннье, къ «*conflit entre l'appareil inerte suspendu et le mouvement de la paroi de l'organe et ce conflit, ce frottement, ce retard, est apprécié par la papille nerveuse dans sa direction, sa force et sa forme*» (стр. 46).

Разсмотрѣніе этого вопроса необходимо, такъ какъ оно проливаетъ яркій свѣтъ на то, въ какихъ условіяхъ и въ какихъ предѣлахъ совершается подобное счисленіе и осуществляется подобное мышленіе. Въ переводѣ книги Гарнера «The speech of monkeys» на нѣмецкій языкъ проф. В. Маршалъ привелъ рядъ примѣровъ того, какъ считаютъ животныя; изъ самой-же книги Гарнера (рус. пер. подъ ред. В. В. Битнера) заимствуемъ его описаніе счета у обезьянъ. «Для испытанія ихъ математическихъ способностей я бралъ въ одну руку блюдо съ каштаномъ, небольшимъ кусочкомъ яблока или моркови, вырѣзанныхъ кубикомъ. Въ другой рукѣ у меня было блюдо съ двумя или тремя такими-же предметами одинаковаго размѣра и цвѣта. Я держалъ ихъ такъ, чтобы обезьяна не могла достать блюдцевъ, при чемъ постоянно перемѣнялъ блюда изъ одной руки въ другую. При этомъ я замѣчалъ, что обезьяна пыталась брать то блюдо, въ которомъ было большее количество предметовъ. Она легко отличала блюдо съ однимъ предметомъ отъ того, на которомъ было большее ихъ количество. Я долго сомнѣвался, различала-ли она ихъ по числу или по количеству, и наконецъ убѣдился, что здѣсь играло роль только количество». Этотъ выводъ Гарнера не можетъ подвергаться сомнѣнію: животныя различаютъ большее или меньшее количество, но такое различеніе основывается на зрительныхъ воспріятіяхъ большаго или меньшаго, слѣдовательно — имѣетъ вполне конкретный характеръ. Сюда же относится и извѣстный случай съ вороной, которую хотѣли убить; для этой цѣли въ хижину, около которой она жила, пришло два чело-вѣка; одинъ изъ нихъ ушелъ, другой остался, но сорока замѣтила, что ушло меньше людей, чѣмъ пришло, и не подлетала къ хижинѣ; только тогда, когда изъ пятерыхъ

ушло четыре, сорока поддалась обману. Для оцѣнки этого случая надо замѣтить (Flügel. 73), что намъ не извѣстно, замѣтила-ли сорока, что одинъ человекъ остался, и что самый случай рассказанъ старымъ и некритическимъ наблюдателемъ, тѣмъ Леруа, который имѣлъ такія спутанныя представленія о рѣчи животныхъ. Впрочемъ, если-бы его рассказъ и передавалъ точно дѣйствительность, все-же мы имѣли-бы передъ собой лишь примѣръ конкретнаго представленія о количествѣ.

Гарнеру принадлежитъ остроумный опытъ надъ обезьянами: «взявъ деревянный ящикъ и сдѣлавъ на одной сторонѣ его отверстіе, достаточно широкое для того, чтобъ обезьяна могла свободно вынимать рукой вложенныя туда плитки мрамора одного размѣра и цвѣта, я далъ предварительно эти плитки обезьянѣ для забавы. Спустя нѣкоторое время, я положилъ плитки въ ящичекъ и заставилъ ее брать ихъ оттуда, что она и дѣлала, вынимая ихъ постепенно одну за другою... Затѣмъ я оставилъ одну плитку, а двѣ положилъ обратно въ ящичекъ. Вынувъ ихъ оттуда, она, очевидно, спохватилась, замѣтивъ отсутствіе одной плитки, и стала оглядываться кругомъ, отыскивая, куда та дѣвалась. Потомъ она снова просунула свою руку въ ящичекъ, пристально смотря на меня. Но, не найдя плитки, она скоро успокоилась и начала забавляться съ двумя остальными. Когда я увѣрился, что она удовольствовалась двумя, то спряталъ одну изъ нихъ; но она сейчасъ-же обнаружила отсутствіе плитки, начала искать ее и, казалось, была недовольна такимъ лишеніемъ... Я повторялъ этотъ опытъ до тѣхъ поръ, пока совершенно не увѣрился въ искусствѣ моихъ субъектовъ считать до трехъ, а затѣмъ увеличилъ число мраморныхъ плитокъ еще одною. Когда при этомъ я пряталъ одну изъ нихъ,

то сначала, казалось, обезьяна замѣчала отсутствіе ея, или, по крайней мѣрѣ, была въ сомнѣніи, но скоро стала продолжать свою забаву, не заботясь объ отсутствіи одной плитки, хотя рѣдко упускала случай показать свое пониманіе того, что здѣсь произошло нѣчто неладное. Было-ли это сознаніе того, что одной изъ четырехъ плитокъ не хватаетъ, или только общая въ этомъ смыслѣ идея, — я не знаю, но что она замѣчала недостатокъ одной изъ трехъ плитокъ, это было совершенно очевидно».

Числовыя отношенія, связанныя съ предметами, подвергающимися счисленію, существуютъ въ извѣстныхъ узкихъ границахъ у обезьяны, какъ и у ребенка и у дикарей (отсюда ихъ счетъ: весь человѣкъ = 20 и т. п.). Это, по опредѣленію Рибо (*Evol. des idées* 27), примѣры *конкретнаго* счета ¹⁾.

«Благодаря повторенію тѣхъ-же воспріятій, у животнаго возникаетъ вслѣдствіе *непроизвольнаго* сліянія образовъ одинъ родовой образъ (*l'image générale*). Возникновеніе его заключается въ почти пассивномъ процессѣ ассимиляціи; оно ненамѣренно и не имѣетъ иного содержанія, кромѣ грубыхъ сходствъ. Эти послѣднія нагромождаются одно на другое и образуютъ въ силу своего численнаго перевѣса прочное зерно, которое преобладаетъ въ сознаніи, своего рода экстрактъ, подходящій ко всѣмъ подобнымъ предметамъ; различія при этомъ забываются» (Рибо. *Evol.* 28). Гексли и Эмери сравниваютъ этотъ родовой образъ съ типическимъ фотографическимъ снимкомъ, который получается на пластинкѣ при сниманіи

¹⁾ Совершенно такую-же конкретную форму счета, какъ у животныхъ, Соллье констатируетъ у идиотовъ. *P. Sollier. Psychologie de l'idiot et de imbécile.* 2 изд. 1901, стр. 197—198.

на ней нѣсколькихъ фигуръ, «путемъ исключенія индивидуальнаго выдѣляется общее и образуется абстракція». (Emerу. 18). Однако, само собой разумѣется, эта пассивная абстракція не даетъ никакого простора для развитія отвлеченной духовной жизни; эти общія впечатлѣнія, которыми руководится животное, являются въ сущности лишь ошибками воспріятія, лишь смѣшеніемъ сходнаго. И какъ пассивно образовалась самая абстракція въ сознаніи животнаго, такъ-же пассивно это послѣднее подчиняется ей. Характерно уже то, что умнѣйшія изъ животныхъ, какъ собака, обезьяна и т. п., руководятся по преимуществу обоняніемъ, самымъ пассивнымъ изъ чувствъ; по справедливому замѣчанію Компэирэ (*L'évolution intellectuelle et morale de l'enfant*. 3 изд. Paris. 1903. стр. 63), il n'y a, pour ainsi dire, aucune spontanéité active de l'odorat (самовольности, активности въ обоняніи нѣтъ никакой). Вслѣдствіе этого, собака, узнающая членовъ семьи по запаху, идетъ также по слѣдамъ совершенно неизвѣстнаго ей человѣка, если на немъ надѣты сапоги ея хозяина (Flügel. 71). Попугай, который, привыкнувъ называть домашнюю собаку именемъ Кокко, то же слово выкрикиваетъ на встрѣчу всякой другой собакѣ, повинуется общему представленію о собакѣ, или, говоря иначе, рассуждаетъ по аналогіи.

Уже этотъ примѣръ показываетъ, что рассужденія животнаго лишены активности, они совершаются не по законамъ Аристотелевой логики; они вытекаютъ сами собой съ той-же неизбежностью, съ какой въ сознаніи животнаго возникаетъ общее представленіе; по существу своему это послѣднее и рассужденіе по аналогіи совпадаютъ.

Правда, заключеніе отъ частнаго къ частному отличается отъ простой ассоціаціи по сходству тѣмъ, что оно

связано съ ожиданіемъ послѣдствій, что вниманіе заключающаго ума обращено не столько на прошлое, сколько на будущее; но разница эта въ дѣйствительности совершенно ничтожна: животное, обжегшись дымящеюся пищей, будетъ избѣгать впредь горячей пищи, схвативъ гусеницу отвратительнаго вкуса, не возьметъ ее въ слѣдующій разъ, но тѣ образы, которые въ данныхъ случаяхъ возникаютъ въ сознаніи животного, не заключаютъ въ себѣ никакого активнаго элемента; они произвольны, какъ и ассоціаціи, благодаря которымъ у животного складывается общій родовой образъ, своего рода типическая фотографія. Наблюдатели животной психики постоянно отмѣчаютъ особый характеръ вниманія у животныхъ: именно, оно овладѣваетъ ими всецѣло, не оставляя мѣста никакому чувству, никакой идее. Васманъ опредѣляетъ вниманіе муравьевъ словомъ «одержаніе» (obsessionell), и животное, поглощенное какой-нибудь мыслью, дѣйствительно производитъ впечатлѣніе одержимаго, подчиняясь вполне пассивно образамъ, возбудившимъ его вниманіе.

Эти образы представляются вниманію животного, какъ цѣлое, не расчлененное единство; выдѣленіе признаковъ изъ этой совокупности, анализъ ея есть уже дѣло человѣческаго ума и для животныхъ недоступно. Уже философъ 17 в. Гассенди пытался выяснитъ основы той логики образовъ, которая присуща, по мнѣнію Рибо, Геддинга и др., животнымъ. Онъ задавался вопросомъ, какой процессъ происходитъ въ сознаніи собаки, когда она бѣжитъ на встрѣчу своему хозяину и вдругъ убѣждается, что это не хозяинъ, а чужой человѣкъ. Гассенди полагалъ, что собака руководится сначала образомъ своего хозяина, который она получила, благодаря ошибкѣ вос-

пріятія; когда собака приблизилась къ человѣку, правильное зрительное воспріятіе даетъ ей образъ не того, къ кому она бѣжала; образъ смѣнился мгновенно образомъ и въ связи съ этимъ измѣнилось поведеніе животнаго (Höffding, стр. 361—362). Какъ видимъ, элемента самоконтроля здѣсь нѣтъ, и логика образовъ, та форма сознанія, которая можетъ быть приписана животному, означаетъ, другими словами, что животное не *думаетъ*.

Въ связи съ этимъ стоитъ тотъ фактъ, что представленіе о своей личности, которое у человѣка складывается очень медленно и постепенно, является прирожденнымъ у животныхъ. Въ то время, какъ годовою ребенкомъ еще не въ состояніи локализовать боль и лишь понемногу пріучается признавать части своего тѣла за свои, новорожденное животное сразу локализируетъ свои ощущенія съ той-же точностью, какъ взрослое (ср. статью Ст. Холля «Einige Seiten des ersten Ichgefühls» въ сборникѣ его статей по психологіи дѣтей). Животное рождается съ сознаніемъ своей личности, опытъ въ этомъ отношеніи не обогащаетъ его ничѣмъ, а это равносильно тому, что личность въ томъ смыслѣ, какъ мы примѣняемъ это слово къ человѣку, у животнаго отсутствуетъ. «Я, какъ цѣлое, объединяющее настоящія, прошлыя и будущія состоянія, и міръ, какъ отдѣльная связанная система вещей и явленій, являются идеальными построеніями, которыя создаются постепенно по мѣрѣ развитія человѣка. Идеальное построеніе я и міра сравнительно рудиментарно у низшихъ расъ человѣчества и никогда не можетъ быть полнымъ. На чисто перцептуальной стадіи развитія (какая приписывается животнымъ) его нѣтъ даже въ зародышѣ» (G. F. Stout. Manual of Psychology. 268 цитир. у Морганна Anim. Behav. 239).

Такова умственная сторона жизни животныхъ. Какъ мы видѣли, преобладаетъ въ ней инстинктъ; въ предѣлахъ того, что доступно инстинкту, животное совершаетъ свои дѣйствія съ помощью упражненія и раздраженія и благодаря возникновенію новыхъ ассоціацій и общихъ представленій; но самоконтроля, возможнаго лишь при существованіи понятій о должномъ, а также сознанія своего я у животнаго не существуетъ. Зато надо думать, что его чувства обладаютъ гораздо большей интенсивностью, чѣмъ у культурнаго человѣка; дикари и дѣти въ этомъ отношеніи гораздо ближе, чѣмъ мы, къ животнымъ, которыя подчиняются своимъ чувствамъ, какъ и представленіямъ, безъ разсужденія. Извѣстныя слова поэта: «коль любить, такъ безъ разсудка» вполнѣ и всецѣло осуществляются всѣмъ животнымъ міромъ, кромѣ человѣка, который вноситъ ядъ сомнѣнія и разочарованія въ жизнь своего сердца. Тамъ, гдѣ человѣкъ, какъ Гамлетъ, философствуетъ и опредѣляетъ, животное переходитъ прямо къ дѣйствію, не отдавая себѣ отчета, слѣдуетъ-ли такъ поступать; въ борьбѣ ассоціацій пересиливаютъ наиболѣе яркія, наиболѣе запечатлѣвшіяся въ сознаніи животнаго, и оно слѣпо идетъ за побѣдителемъ. Вслѣдствіе этого чувства животнаго сильны, но бѣдны содержаніемъ, еще болѣе просты и элементарны, чѣмъ у маленькаго ребенка. Если-бы животное захотѣло говорить, о чемъ оно могло-бы сказать человѣку или своему товарищу? О томъ, что оно голодно, что оно любитъ хозяина, что оно ненавидитъ его враговъ и боится неизвѣстнаго: однимъ словомъ, оно выражало-бы свои *чувства*. И дѣйствительно, птица, собака, обезьяна и др. кричатъ, поютъ или лаютъ подъ вліяніемъ именно чувствъ; представленія вызываютъ чувства, и чувства находятъ свое выраженіе въ звукахъ, которые такъ же

просты и однообразны, какъ и чувства, ихъ вызвавшія. Животное кричитъ, повинуюсь необходимости; но оно разряжаетъ свою энергію не только звуками, но и жестами. Необычайная подвижность обезьянь, чѣмъ-либо возбужденныхъ, является разрѣшеніемъ этой энергіи чувства. Такъ, Hachet-Sourplet со свойственнымъ ему наивнымъ антропоморфизмомъ замѣчаетъ, что «языкъ обезьянь заключается по преимуществу въ крайне сложной мимикѣ, способной выразить тысячи оттѣнковъ разнообразныхъ мыслей». Не отрицая того, что у различныхъ видовъ обезьянь есть цѣлый репертуаръ до извѣстной степени артикулированныхъ звуковъ, связанныхъ, повидимому, со специальными эмоціями, Hachet-Sourplet прибавляетъ: «но повторяю, ихъ жестикуляція кажется какъ намъ, такъ и имъ подобнымъ болѣе выразительной, чѣмъ голосъ» (Eham. psych. 104).

Итакъ, крикъ есть прежде всего разряженіе энергіи какъ у человѣка, такъ и у животнаго. Прейеръ совершенно справедливо замѣчаетъ въ своей извѣстной книгѣ о «Душѣ ребенка» (рус. перев. 1891 г., стр. 176), что у крѣпко спеленатыхъ дѣтей крикомъ часто возмѣщается недостаточность движенія членовъ. Здѣсь тѣлодвиженія и крикъ психологически совпадаютъ. У человѣческихъ расъ жестикуляція и рѣчь идутъ рядомъ, перевѣшивая одна другую въ зависимости отъ умственнаго развитія расы: въ то время, какъ у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ жестъ выдвигается впередъ настолько, что почти совсѣмъ вытѣсняетъ рѣчь, у другихъ жестикуляція почти совершенно подавлена; но, какъ общее правило, можно сказать, что болѣе горячая рѣчь, выразительница болѣе сильныхъ чувствъ, сопровождается и болѣе живой жестикуляціей.

Крикъ есть спутникъ дѣятельности у животнаго, сопровождающій ее въ силу инстинкта, какъ независящее отъ сознанія животнаго разряженіе энергіи. Заимствуемъ у Фабра слѣдующія строки изъ описанія работы желтокрылаго сфекса. «Сфексъ рѣдко предается своимъ работамъ одинъ: площадка выбирается и занимается маленькими отрядами въ десять, двадцать и болѣе поселенцевъ. Быстро начинаютъ они скрести землю граблями своихъ переднихъ ножекъ: *canis instar*, какъ говоритъ Линней. Молодая собака съ небольшимъ пыломъ роетъ землю для забавы. Въ то-же время каждый работникъ затягиваетъ свою веселую пѣсенку, состоящую изъ пронзительнаго, шипящаго звука, прерывающагося черезъ очень короткіе промежутки и мѣняющаго тоны благодаря трепетанію крыльевъ и груди». Кто не видѣлъ муху, бьющуюся въ паутинѣ съ пронзительнымъ крикомъ, сила котораго соответствуетъ ея напряженію въ борьбѣ съ опутавшими ее нитями?

Обратимся къ птицамъ. Г. Быковъ, рассказывая о страхѣ мухоловокъ передъ двумя видами ястребовъ, прибавляетъ: «при появленіи этихъ грозныхъ лѣсныхъ хищниковъ мухоловки притихаютъ, видимо, стараются по возможности укрыться отъ ихъ зоркаго глаза, и только протяжное, едва слышное *ти-ти*, служащее предостереженіемъ и для другихъ птицъ, выдаетъ тотъ паническій ужасъ, который раздѣляетъ вмѣстѣ съ ними большинство пернатыхъ обитателей лѣса». Крикъ птицы въ этомъ случаѣ могъ только повредить ей; нельзя-же думать, что она имѣла въ виду предостеречь товарищей по несчастію о надвинувшейся бѣдѣ; мухоловки издавали свой слабый крикъ произвольно, какъ разряженіе подавленной энергіи.

Тотъ-же наблюдатель даетъ очень цѣнное описаніе жулана. «По движенію хвоста сидящаго жулана можно составить себѣ довольно правильное понятіе объ его душевномъ настроеніи. Когда птица спокойна, эти движенія почти не замѣтны или ихъ даже совсѣмъ нѣтъ; если она нѣсколько возбуждена пѣніемъ, появленіемъ добычи или чего-нибудь необычайнаго—они плавны и медленны, а при угрожающей опасности или гнѣвѣ становятся порывистыми и учащаются, сопровождаясь рѣзкими, быстро слѣдующими другъ за другомъ звуками *чишррр*, *чишррр*, *чишррр* (у нѣкоторыхъ особей *чикъ*, *чикъ*, *чикъ*), служащими выраженіемъ тревоги и безпокойства. По мѣрѣ того, какъ птица успокаивается, тревожные звуки дѣлаются менѣе громкими и частыми, а нервныя порывистыя движенія хвоста постепенно переходятъ въ болѣе плавныя и мягкія и, наконецъ, совсѣмъ прекращаются». Здѣсь крикъ и тѣлодвиженіе вполне правильно сопутствуютъ энергіи чувства; по мѣрѣ его повышенія усиливается энергія криковъ и движеній птицы. Когда домашняя птица перелетаетъ черезъ заборъ, она кричитъ такъ, какъ будто за ней кто-нибудь гонится: въ сущности-же крикъ и здѣсь бессознательный спутникъ движенія, на совершеніе котораго курицѣ приходится затратить много энергіи. Приведенная въ состояніе покоя птица теряетъ потребность въ крикѣ. «Поющій самецъ почти все время находится въ движеніи — говоритъ Быковъ о тростниковой камышеvkѣ, — онъ или съ пѣсней перепархиваетъ съ мѣста на мѣсто, или быстро взлѣзаетъ вверхъ по тростниковому стеблю и, достигнувъ вершины его, *умолкаетъ*, чтобы затѣмъ такъ-же быстро и ловко спуститься внизъ и продѣлать тотъ-же маневръ на сосѣдней камышинкѣ».

Въ связи съ этой группой явленій, которая представляетъ крикъ, какъ разряженіе энергіи, «разрѣшеніе аффекта», по терминологіи Вундта (*Sprache*. 258), — стоятъ и нѣкоторые замѣчательные факты изъ психологіи птичьяго пѣнія въ періодъ спариванія. Подобно тому, какъ стройка гнѣзда производится наиболѣе тщательно такой птицей, организмъ которой наиболѣе исполненъ энергіей, т. е. птицей, спаривающейся въ первый разъ въ году, — такъ и наилучшее пѣніе принадлежитъ наименѣе истощенной особи. Казалось-бы, что отъ упражненія въ продолженіе лѣта птица научится пѣть лучше, красивѣе, чѣмъ пѣла весной; между тѣмъ оказывается обратное: «виртуозъ начинаетъ заикаться (*stümpern*), и если мы прислушаемся къ нему черезъ нѣсколько недѣль, мы услышимъ, что заиканіе его выразилось еще больше прежняго. Уже при второмъ спариваніи пѣснѣ не хватаетъ тонкости, металличности тона, тембръ потерялъ очень много въ своей нѣжности, звукъ гораздо менѣе пріятенъ. Для чуткаго уха разница довольно ясна. При позднѣйшихъ спариваніяхъ пѣсня сильно идетъ на убыль: — это самое обычное явленіе» (*Altum*. 85). Тамъ, гдѣ менѣе энергіи, организмъ можетъ менѣе ея расходовать, вялость и молчаливость идутъ параллельно не только въ животномъ мірѣ, но и среди людей. Когда душевная болѣзнь вызываетъ у человѣка состояніе апатіи, онъ становится безмолвенъ. То-же и у животныхъ: гиббонъ, одна изъ антропондныхъ обезьянъ, съ музыкальными способностями которой мы еще встрѣтимся, принадлежитъ къ числу самыхъ ловкихъ гимнастовъ, самыхъ подвижныхъ изъ обезьянъ (*De Varigny*. 53). Впрочемъ, у обезьянъ богатая мимика иногда замѣняетъ потребность въ крикѣ; энергія для своего разряженія находитъ иной путь: такъ, утверждаютъ, что абиссинская

обезьяна Гереза (Guèrcza) молчалива, но зато постоянно находится въ движеніи; американскія не лающія собаки должны обладать другими средствами выраженія своихъ ощущеній; кролики, какъ и бараны, въ возбужденіи бьютъ ногой о землю, свинья начинаетъ копать рыломъ почву; аисты щелкаютъ клювомъ и т. п. (Perty. 113). «Сѣрая мухоловка весьма *молчаливая*, необщительная и *малоподвижная* птица» (Быковъ. 75).

Итакъ, мы видимъ, что крикъ животнаго инстинктивенъ; оно кричитъ потому-же, почему и новорожденный человѣческой младенецъ, т. е. въ силу физиологической потребности. Припомнимъ характерныя особенности инстинктивныхъ дѣйствій и приложимъ ту-же мѣрку къ крику животныхъ, который съ этой точки зрѣнія ужъ никакъ нельзя будетъ угодить человѣческой рѣчи. Самое существовавшее въ этой послѣдней это сознаніе, что другіе понимаютъ, для чего служатъ твои слова; не самыя слова, которыя могутъ быть произнесены и поугаемо и, хотя менѣе совершенно, собакой, не пониманіе другими людьми или животными того, что ты говоришь, *но пониманіе, что ты говоришь для другихъ*, что языкъ есть средство для обмѣна мыслями — вотъ что составляетъ основной признакъ человѣческой рѣчи, полагающей непроходимую преграду между ею и «языкомъ» животныхъ. Только тамъ, гдѣ кончается власть инстинкта и пассивныхъ ассоціацій образовъ, только тамъ, гдѣ господствуетъ размышленіе и возникаетъ настоящее пониманіе, — становится возможною рѣчь въ человѣческомъ смыслѣ слова. Въ статьѣ, посвященной психической жизни лицъ и состояній, лишенныхъ рѣчи, мы будемъ имѣть случай рассказать о Лаурѣ Бриджменъ, которая, будучи глухонѣмой, поняла при помощи лѣчившаго ее врача, что «существуетъ средство

давать себѣ самой и другимъ умамъ знаки того, что происходитъ въ ея душѣ. И вотъ ея лицо сразу озарилось чисто человѣческимъ выраженіемъ. Теперь она уже не была болѣе чувствующимъ и руководящимся лишь инстинктами существомъ; теперь она стала бессмертнымъ духомъ, крѣпко ухватившимся за цѣнь, которая соединила ее съ другими умами».

Но развѣ не понимаютъ другъ друга животныя? Напротивъ: понимаютъ не только члены одного и того-же вида, но и разныхъ. Прежде, чѣмъ объяснить это явленіе, приведемъ нѣсколько фактовъ, касающихся средствъ сообщенія у животныхъ при помощи не только звуковъ, но и другихъ знаковъ. Такъ, Васманъ, котораго никакъ нельзя упрекнуть въ антропоморфизмъ, рассказываетъ о муравьяхъ слѣдующее: «Если сильно возбужденный муравей, *F. Sanguinea* или *fusca*, не можетъ заставить своего товарища при помощи ударовъ щупальцами послѣдовать за нимъ для совершенія того или другого поступка,—то онъ нерѣдко хватаетъ его за челюсть или за ногу и просто-на-просто тащитъ къ тому мѣсту, гдѣ находится предметъ, возбудившій его вниманіе. Такимъ-же способомъ муравей зачастую спасаетъ другихъ отъ угрожающей опасности, которую онъ замѣтилъ первый. Я постоянно видѣлъ въ своихъ наблюдательныхъ муравейникахъ, какъ *Formica Sanguinea* или *fusca* «рекомендовала осторожность» своему товарищу при помощи удара щупальцевъ или еще болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Такъ напр., когда я вынималъ стеклянную трубку, соединяющую кладовую съ пищей и верхнее гнѣздо, и ловилъ нѣсколько муравьевъ—«часовыхъ», которые сейчасъ-же выбѣгали на бой изъ отверстія верхняго гнѣзда,—я много разъ замѣчалъ, какъ одинъ изъ муравьевъ, сидѣвшій въ верхнемъ гнѣздѣ по близости

отъ выхода, подскакивалъ къ остальнымъ, ударялъ по нимъ въ знакъ предостереженія щупальцами, а одного изъ товарищей, стремившагося къ выходу, схватилъ за ногу и оттащилъ отъ подозрительнаго мѣста».

Васманъ перечисляетъ всѣ случаи, въ которыхъ, по его наблюденіямъ, муравей касается щупальцами другого муравья съ цѣлью возбудить его вниманіе: этотъ пріемъ употребляется муравьями для пробужденія инстинкта подражанія въ товарищахъ, для указанія на необходимость перемѣнить гнѣздо, бѣжать, нападать и т. п. Выражаясь такъ, мы невольно впадаемъ въ антропоморфизмъ, но нашъ языкъ такъ приспособленъ къ выраженію человѣческихъ чувствъ и мыслей, что намъ невольно приходится говорить о цѣляхъ и муравьиныхъ поступкахъ, хотя, какъ всѣ чисто инстинктивныя дѣйствія, и передача своихъ «представленій» муравьями лишена при всей своей цѣлесообразности сознательности. Цѣль достигается прекрасно, но не представляется, какъ таковая, и движенія щупальцевъ должны разсматриваться лишь какъ разряженіе возбужденія, вызваннаго представленіями объ опасности, врагѣ и т. п.

Но, во всякомъ случаѣ, муравьи руководятся не только запахомъ пищи, слѣдуя за своими товарищами, а говорить о какомъ-то вліяніи погоды на организмъ муравьевъ, совершающихъ свои разбойничьи набѣги, вліяніи, которое химическимъ образомъ дѣйствуетъ на одного муравья и затѣмъ передается имъ при помощи щупальцевъ товарищамъ, впадающимъ рефлекторно въ то же состояніе возбужденія,—говорить такъ (Bethe 54), во всякомъ случаѣ, не болѣе научно, чѣмъ увлекаться антропоморфизмомъ. Трезвая и безпристрастная наука не можетъ отрицать у муравьевъ инстинкта передачи своего возбужденія при

помощи ударовъ щупальцами, инстинкта цѣлесообразнаго, всеобщаго и безсознательнаго.

Птицы выражаютъ свои эмоціи при помощи звуковъ, которые легче поддаются анализу и наблюденію, чѣмъ тѣ легкія прикосновенія, которыя служатъ средствами сообщенія у муравьевъ и другихъ насѣкомыхъ. Своимъ пѣніемъ самецъ привлекаетъ къ себѣ самку, а эта послѣдняя своими криками или предостерегаетъ птенцовъ, или призываетъ ихъ къ себѣ. Послѣднія два побужденія могутъ имѣть интересъ и для другихъ видовъ птицъ, и для другихъ животныхъ: поэтому, какъ увидимъ ниже, призывъ и предостереженіе зачастую понимаются ими, тогда какъ призывъ къ спариванію понятенъ лишь для самокъ опредѣленнаго вида птицъ (Altum. 118—119). Но пониманіе это инстинктивно и сопровождается дѣйствіями, точно установленными инстинктомъ. Птенцы нѣкоторыхъ морскихъ птицъ, услышавъ предостерегающій крикъ матери, мгновенно притворяются мертвыми: если ихъ взять въ руку, ихъ головки безжизненно свѣшиваются внизъ; если открыть ихъ вѣки, если придать ихъ тѣлу опредѣленную позу, они не измѣняютъ положенія. Научить этому нельзя; это притворство есть прирожденная инстинктивная способность, которая вмѣстѣ съ предостерегающимъ крикомъ составляетъ одно цѣлое, выработавшееся у вида въ борьбѣ за существованіе. «Гедсонъ утверждаетъ, на основаніи собственныхъ наблюденій, что молодая птица, разбивающая свою скорлупу, прекращаетъ свои усилія, услышавъ тревожный крикъ старшей птицы» (Морганъ. Привычка и инстинктъ 85). Но утята, высиженные курицей, не понимаютъ, чего хочетъ отъ нихъ ихъ пріемная мать, которая такъ тревожно кричитъ, когда они лѣзутъ въ воду.

Призывный крикъ имѣетъ опредѣленный кругъ дѣйствій: онъ распространяется на птенцовъ, которые понимаютъ мать, на самку, которая летитъ къ самцу. Повидимому, инстинктъ не выработалъ въ этомъ направленіи средствъ для дальнѣйшей передачи возбужденія при помощи крика. Самка сообщаетъ самцу свое волненіе инымъ способомъ: вѣроятно, ея порывистый полетъ при испугѣ понимается имъ инстинктивно. «Насиживающая самка дрозда рябинника подпускаетъ подъ самое гнѣздо, срывается обыкновенно послѣ перваго удара въ дерево и, то молча, то съ *громкимъ трещащимъ крикомъ*, улетаетъ въ лѣсъ, но вскорѣ возвращается обратно по большей части вмѣстѣ съ другимъ членомъ парочки» (Быковъ. 39).

Истинктивное пониманіе птенцами предохраняющаго крика родителей ограничивается извѣстнымъ возрастомъ: птенцы понимаютъ мать до тѣхъ поръ, пока имъ это нужно. Цыплята, высиженные въ инкубаторахъ и пущенные къ курицѣ на 10—12 день своей жизни, уже не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на ея клохтанье, но «цыплята, помѣщенные въ мѣшокъ тотчасъ послѣ явленія на свѣтъ и пробывшіе тамъ день или два, быстро бѣжали на клохтанье курицы, скрытой отъ глазъ ихъ въ ящикѣ, находившемся отъ нихъ на разстояніи девяти или десяти футовъ». (Морганъ. 32). Молодая кукушка и коровій скворецъ, высиженные пріемными родителями, остаются глухи къ ихъ призывамъ, но хорошо понимаютъ крики птицъ своего вида. И это, какъ вся психологія «языка» птицъ, можетъ объясняться лишь инстинктомъ. Мы не имѣемъ основанія думать, что иначе обстоитъ дѣло съ криками млекопитающихъ, хотя разные авторы рассказываютъ настоящія чудеса объ ихъ разговорахъ. Однако уже тотъ фактъ, что крикъ принадлежитъ цѣлому

виду животныхъ, ясно опредѣляетъ его инстинктивное происхожденіе; всѣ собаки одной породы одинаково лаютъ на медвѣдя, на волка и т. п.

Но какимъ образомъ животныя одного вида понимаютъ крики другого? Здѣсь пониманіе уже не можетъ быть инстинктивно, хотя, съ другой стороны, оно доступно лишь такимъ животнымъ, которыя привыкли понимать звуки, издаваемые ихъ сотоварищами; другими словами, оно возможно на основаніи ассоціаціи представленій; самая-же ассоціація находитъ себѣ мѣсто лишь въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ дѣйствуетъ инстинктъ. Подобно тому, какъ дрессировка оказывается дѣйствительной, только пользуясь инстинктивной подготовкой животнаго, такъ и природа воспитываетъ, дрессируетъ это послѣднее, применяясь къ его психикѣ. Гарнеръ приводитъ случай, когда обезьяна одной породы не только поняла, но и воспроизвела крикъ другой. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, означалъ ли этотъ крикъ «на капуцинскомъ нарѣчій *кормъ*», и другія наивныя замѣчанія этого изслѣдователя, приведемъ фактическую сторону дѣла. «Въ комнатѣ, гдѣ Вашингтонскій торговецъ содержалъ обезьянъ, находилась клѣтка съ молодымъ довольно смышленнымъ бѣлолицымъ фебусомъ. Это была тихая, степенная и разумная маленькая обезьянка, сѣрая шерсть и борода которой придавали ей вполнѣ почтенный видъ, почему я назвалъ ее Дарвиномъ. По неизвѣстной причинѣ, онъ боялся меня, но я не обращалъ на это вниманія. На той-же полкѣ въ сосѣдней клѣткѣ жилъ маленькій капуцинъ Пюкъ. Клѣтки раздѣлялись лишь сѣтками, черезъ которыя обезьяны могли удобно видѣть и слышать одна другую. Нѣсколько недѣль я посѣщалъ Пюка почти каждый день и въ отвѣтъ на его звукъ о пищѣ всегда снабжалъ его орѣхами, бананами

или другимъ кормомъ, но никогда не давалъ ему ничего изъ этихъ съѣдобныхъ предметовъ иначе, какъ послѣ его просьбы на своемъ языкѣ. Въ одно изъ моихъ посѣщеній мое вниманіе было привлечено маленькимъ Дарвиномъ, произнесшимъ странный звукъ, котораго я никогда не слыхалъ въ свойственномъ его породѣ нарѣчій. Сначала я не узналъ этого звука, но очень скоро открылъ, что Дарвинъ пытался подражать звуку капуцина, въ отвѣтъ на который я всегда аккуратно давалъ Пюку нѣсколько кусочковъ корму. Несомнѣнно Дарвинъ замѣтилъ, что этотъ звукъ Пюка постоянно вознаграждается чѣмъ-нибудь вкуснымъ и, очевидно, причиною подражанія было его желаніе получить подобное-же угощеніе». Морганъ (*Anim Behav.* 197) приводитъ слѣдующій любопытный случай ассоціаціи звука со зрительнымъ представленіемъ, совершившейся въ сознаніи собаки: «Черные дрозды, которые развелись около дома въ Клифтонѣ, начинали, обыкновенно, при видѣ разбойничающей кошки издавать тревожные крики. Повидимому эти звуки связались въ концѣ концовъ въ сознаніи собаки—террьерера съ представленіемъ о животномъ, присутствіемъ котораго они были вызваны; услышавъ тревогу, собака немедленно бросалась въ садъ, вполне рассчитывая на потѣху погони за кошкой». Перти заимствуетъ изъ «Энциклопедіи медицины и естествознанія» Геузингера рассказъ, который обнаруживаетъ, что средства взаимнаго пониманія у птицъ не ограничиваются криками. Вотъ что сообщаетъ этотъ старый писатель: «Я держалъ вмѣстѣ и изучалъ очень много живыхъ звѣрей разныхъ породъ. Когда я клалъ передъ какой-нибудь хищной птицей кусокъ мяса, котораго другіе хищники изъ царства птицъ никакъ не могли замѣтить, то воспріятіе взгляда одного изъ нихъ было достаточно, чтобы

остальные угадали, въ чемъ дѣло; на кликъ ястреба-мышатника (Mäusebussard), увидѣвшаго добычу, являлись сокола - голубятники (Taubenfalken), вороны и сороки; жестъ испуга у собаки приводилъ въ ужасъ и всѣхъ птицъ». Геузингеръ прибавляетъ, что «соколы, у котораго нѣсколько разъ была украдена добыча, очень скоро научился скрывать отъ товарищей свои жесты и мину». Оставивъ это прибавленіе на совѣсти рассказчика, мы все-таки получаемъ очень цѣнное указаніе на то, какимъ образомъ возникаетъ общій языкъ въ колоніи тѣсно живущихъ звѣрей разныхъ породъ.

Мы видимъ, что, благодаря ассоціаціи звуковыхъ и зрительныхъ представленій, получается настоящее взаимное пониманіе животныхъ, которое отличается отъ человѣческой рѣчи лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одинъ изъ членовъ этого говорящаго общества не сознаетъ, что его крики служатъ для пониманія его аффектовъ товарищами. Едва возникаетъ такое сознаніе, какъ рѣчь становится разумнымъ, цѣлесообразнымъ выраженіемъ духовной жизни; до этихъ-же поръ она остается цѣлесообразнымъ, но инстинктивнымъ разряженіемъ волненія, которое понимается животными другого вида не инстинктивно, но въ силу новыхъ ассоціацій; но и эти послѣднія возникаютъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда инстинктъ подготовилъ почву. «На призывный звукъ рябинника охотно идутъ всѣ другіе виды дроздовъ, особенно бѣлобровики, а его предостереженія понимаетъ и принимаетъ къ свѣдѣнію большинство пернатыхъ обитателей лѣса» (Быковъ. 30); на тревожные крики ласточекъ, увидѣвшихъ ястреба, реагируютъ воробьи, торопясь скрыться въ кустахъ (Вл. Вагнеръ. Ласточка. 105), и т. п.

Характеризуя взаимное пониманіе животныхъ, можно назвать его заразительнымъ, потому что оно совершается помимо всякаго участія со стороны его мысли и вполнѣ подчиняетъ себѣ сознаніе. Тѣмъ же словомъ можно опредѣлить основную особенность звуковыхъ подражаній. Въ своей книгѣ о «Законахъ подражанія» Тардь отмѣчаетъ общеизвѣстный, но мало оцѣненный по своему глубокому значенію фактъ: когда въ комнатѣ, наполненной людьми, кто-нибудь затынетъ про себя мелодію, почти немедленно отзовется на нее и другой сидящій тутъ-же человѣкъ, отзовется чуть-ли не всегда совершенно безсознательно; въ музыкальныхъ семьяхъ иногда какъ-бы въ воздухѣ виситъ какая-нибудь мелодія, и то одинъ, то другой изъ членовъ семьи напѣваетъ ее. Эти факты указываютъ на то, что звуки заразительны, но опять-таки лишь въ той средѣ, которая инстинктивно подготовлена къ звуковымъ воспріятіямъ. Такъ объясняются «концерты» звѣрей (Gros. 92. Perty. 108 и др.). Какого-бы происхожденія они ни были, во всякомъ случаѣ, психическая заразительность играетъ въ нихъ не послѣднюю роль. Въ этомъ можно убѣдиться, прислушавшись къ кваканью лягушекъ: сначала начинаютъ квакать одна—двѣ лягушки, понемногу къ нимъ присоединяются другія, пока все болото не превратится въ громадную концертную залу, оглашаемую безчисленнымъ множествомъ лягушечьихъ голосовъ. Совмѣстное кричаніе, взаимное пониманіе—и все-таки не языкъ—въ человѣческомъ смыслѣ этого слова. То-же приходится сказать и объ усвоеніи животными одного вида криковъ, свойственныхъ «нарѣчію» другихъ. Одинъ примѣръ такого заимствованія мы уже видѣли въ случаѣ, разсказанномъ Гарнеромъ. Чаще всего склонны къ нему птицы, изъ которыхъ нѣкоторыя—скворцы, попугаи и

т. д.—прямо виртуозы въ подражаніи и легко воспроизводятъ даже такіе звуки, какъ визгъ пилы. Зато другія породы оказываются совсѣмъ неспособными въ этомъ отношеніи: кукушка ничему не научается у своихъ пріемныхъ родителей и безошибочно откликается на зовъ птицъ своей породы; утенокъ не станетъ кричать по-куриному, хотя-бы его водила курица. Наконецъ, нѣкоторыя породы оказываются способными къ подражанію лишь въ извѣстномъ возрастѣ. «Молодая сорока, вынутая изъ гнѣзда двухъ недѣль отъ роду, все время каркала и стрекотала по-сорочьи (хотя взрослыя сороки — ея родители въ эту пору молчатъ), и никогда не подражала другимъ птицамъ. Другая сорока подхватила щебетанье воробья и обыкновенно говорила по-воробьиному, хотя иногда употребляла нѣсколько болѣе низкихъ нотъ изъ своего собственнаго языка... Дейнсъ Баррингтонъ помѣстилъ трехъ молодыхъ коноплянокъ съ тремя различными пріемными родителями, луговымъ жаворонкомъ, полевымъ жаворонкомъ и лѣснымъ жаворонкомъ, и каждый птенецъ подражалъ пѣнію своего пріемнаго родителя. Птенцы не замѣняли этого пѣнія своимъ собственнымъ, даже когда были помѣщены съ пѣвчими птицами своего вида. Витчель приводитъ выдержку изъ письма Гьюса, извѣщавшаго его о томъ, что молодая птица (зябликъ), выращенная человѣкомъ и не слышавшая пѣнія другихъ птицъ, никогда не выучивается хорошо пѣть, а производитъ рядъ безсвязныхъ звуковъ, вовсе не похожихъ на пѣніе родителей. Снегири и вьюрки, тотчасъ послѣ вылупленія изъ яйца воспитанные въ обществѣ канареекъ, выучивались пѣнію своихъ пріемныхъ родителей; между тѣмъ какъ вьюрки, вынутые изъ гнѣзда уже оперившимися и затѣмъ выращенные человѣкомъ, всегда издають звуки, похожіе на

звуки родителей, хотя подъ руководствомъ своихъ новыхъ воспитателей выучиваются другому пѣнію и т. п.» (Морганъ. Привычка и инстинктъ. 161—162. Вл. Вагнеръ. Ласточка. 100—102).

Хотя вопросъ о подражаніи у птицъ еще не можетъ считаться окончательно разрѣшеннымъ, однако, можно сказать, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ видовъ, воспроизводящихъ въ продолженіе всей своей жизни всевозможные и все новые звуки, которые они слышатъ въ окружающей средѣ, остальные птицы или совсѣмъ не подражаютъ, или подражаютъ плохо, внося только чужія нотки въ свойственное ихъ породѣ пѣніе (Altum. 119), или, наконецъ, ограничиваютъ свою подражательность раннимъ возрастомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы не имѣемъ никакого основанія видѣть участіе сознанія въ дѣйствіи: молодая птица, усваивающая крикъ своихъ пріемныхъ родителей, поступаетъ очень цѣлесообразно, потому что иначе она рисковала-бы погибнуть отъ голода, но для пониманія того, что заимствованіе ей необходимо, требовался бы такой высокій уровень развитія, какого нельзя предполагать у птенца; дѣятельность здѣсь просто развертывается на почвѣ, подготовленной инстинктомъ, который требуетъ, чтобы молодая птица кричала такъ-же, какъ кормящіе ее родители. Тамъ, гдѣ птица не нуждается въ подражаніи для своего существованія, она и не совершаетъ его: такъ, молодая кукушка, вылупившаяся въ чужомъ гнѣздѣ, выкидываетъ изъ него всѣхъ своихъ товарищей и одна получаетъ кормъ, предназначавшійся для всего выводка; ей не для чего обращать на себя вниманіе родителей. И взрослая птица воспроизводитъ посторонніе звуки не сознательно, а лишь подчиняясь психической заразительности: звуки, воспринятые ею въ свое пѣніе, слѣдуютъ

одина за другимъ безъ всякаго порядка, иногда во множествѣ; это упражненіе голосовыхъ способностей, которое, несомнѣнно, доставляетъ птицѣ удовольствіе, давая удовлетвореніе ея инстинктивной потребности приспособленія къ окружающей средѣ; въ основѣ ея лежитъ та-же мимикрія, которая придаетъ такія причудливыя формы гусеницамъ, бабочкамъ, жукамъ, одѣваетъ въ бѣлый цвѣтъ куропатокъ, зайцевъ и т. д. Что такая звуковая мимикрія можетъ быть полезна виду, защищая его отъ хищниковъ и, съ другой стороны, позволяя ему ориентироваться среди окружающихъ птицъ, ясно само собой: такъ, Аліх рассказываетъ, что одна изъ его подражающихъ птицъ (*le drongo paradisiac*) такъ художественно воспроизводила пѣніе пѣтуха, что всѣ окрестные пѣтухи откликались ей (Groos. 193); другой наблюдатель передаетъ свое недоумѣніе, когда услышалъ сразу пѣніе множества видовъ птицъ, воспроизводимое малиновкой. Орнитологамъ еще предстоитъ разсмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ вопросъ, какимъ видамъ птицъ и почему было полезно звуковое подражаніе, спеціальная область мимикріи; намъ достаточно ограничиться выводомъ, что передъ нами, во всякомъ случаѣ, явленіе инстинктивнаго характера.

Подражаютъ звукамъ и другія животныя; но наблюденій въ этомъ направленіи сдѣлано еще очень мало: англичанинъ Gambler-Bolton будто-бы многократно наблюдалъ, что «левъ отвѣчаетъ ворчаніемъ на раскаты грома» (*Nachet-Sourlet. Examen. 105*), но было-ли это имитацией или просто гнѣвнымъ ворчаніемъ, мы не знаемъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что шумы вызываютъ подражаніе; но совсѣмъ невѣроятно другое предположеніе того-же французскаго писателя, согласно которому лай

собаки оказывается «попыткой очень грубаго подражанія человѣческому разговору». Разговору собака не можетъ подражать уже потому, что онъ состоитъ изъ безконечнаго разнообразія шумовъ и не даетъ въ силу этого никакого устойчиваго элемента для воспроизведенія; къ тому же собака не принадлежитъ къ числу животныхъ, склонныхъ къ звуковой имитациіи. Въ этомъ отношеніи собака одно изъ мало развитыхъ животныхъ. Можно сказать рѣшительно, что она не понимаетъ, какъ, впрочемъ, и всѣ другія животныя, словъ человѣка, и не понимаетъ, для какой цѣли они служатъ. Мимика человѣка ей понятнѣе, и потому, когда съ ней говорятъ, собака смотритъ не на ротъ, а въ глаза говорящаго; къ мѣсту несчастія, взывая къ помощи, собака тащитъ за платье или другими тѣлодвиженіями выражаетъ свой ужасъ, лай же ея мало выразителенъ. Легкость, съ которой дрессируется собака, и съ которой у нея устанавливаются съ помощью дрессировки ассоціаціи между слуховыми и зрительными представленіями, производитъ на людей, склонныхъ къ наивному антропоморфизму, такое впечатлѣніе, будто это животное понимаетъ вообще человѣка. Но такое впечатлѣніе, конечно, ошибочно: самое большее, что понимаетъ собака, слыша незнакомыя ей слова, это—тонъ, съ которымъ они произносятся.

Какъ для совершеннаго полета, такъ и для наилучшаго пѣнія птица нуждается въ наибольшемъ развитіи организма: молодой пѣтушокъ поетъ иначе, чѣмъ взрослый; молодая ласточка летаетъ хуже большой; каждому возрасту соответствуетъ опредѣленная степень совершенства инстинктивнаго дѣйствія, по мѣрѣ роста птицы становятся лучше ея пѣніе и полетъ, но сомнѣваюсь, чтобы это постепенное улучшеніе могло быть названо упражненіемъ.

Другое дѣло подражающія птицы, которыя достигаютъ вѣрности передачи, дѣйствительно, лишь благодаря упражненію ¹⁾. «Необходимо правильное и постоянное обученіе молодыхъ снигирей въ теченіе девяти мѣсяцевъ, чтобы птица пріобрѣла то, что знатоки называютъ вѣрностью передачи; ибо если обученіе прекратится раньше этого, то птицы будутъ неправильно передавать арію, выпуская изъ нея нѣкоторыя мѣста или перемѣщая ихъ; часто птицы забываютъ всю арію при первомъ линянніи. Вообще считается нужнымъ отдѣлять снигирей отъ другихъ птицъ даже послѣ того, какъ они достигли совершенства, такъ какъ, вслѣдствіе присущей имъ быстроты усвоенія, они испортили-бы арію, вводя фальшивые пассажи; имъ надо помогать, когда они останавливаются, и урокъ слѣдуетъ повторять во время линянія, а то они ничему хорошенько не научатся. Здѣсь обнаруживаются различныя степени способностей, какъ и у другихъ животныхъ. Одинъ молодой снигирь учится легко и быстро, другой — медленно и съ трудомъ; первый безъ колебанія повторитъ нѣсколько частей пѣсни; послѣдній не сумѣетъ повторить даже одной части послѣ смолшного девяти-мѣсячнаго обученія. Но замѣчено, что птицы, которымъ ученье дается всего труднѣе, лучше и дальше помнятъ аріи, которымъ онѣ разъ научились, и рѣдко забываютъ ихъ даже во время линянія». (Морганъ. Привычка и инстинктъ. 160).

¹⁾ Аналогію этому представляетъ тотъ фактъ, что рѣчь слабоумныхъ исправляется при повтореніяхъ словъ. См., напр., *Alb. Liebmann und Max Edel. Die Sprache der Geisteskranken nach stenographischen Aufzeichnungen.* Halle. 1903, стр. 91: «Wenn die Patientin die Worte öfter hintereinander wiederholt, so gelangen sie meist allmählich besser».

Мы привели этот длинный отрывок изъ нѣмецкаго сочиненія Бехштейна «Naturgeschichte der Stubenvögel» 4 Aufl. Halle 1840) потому, что онъ даетъ важныя указанія не только на характеръ упражненія птицъ въ пѣннѣ, но и на различія ихъ въ способностяхъ. Эта индивидуализація птичьяго пѣннѣ имѣетъ весьма существенное значеніе въ разнообразіи манеръ пѣть у разныхъ видовъ одной и той-же породы птицъ. Въ природѣ, говорятъ, нѣтъ двухъ совершенно одинаковыхъ листовъ; не можетъ быть и совершенно одинаковыхъ животныхъ организмовъ; въ зависимости отъ тѣлесной организаціи измѣняется до извѣстной степени характеръ звука и пѣсни у птицы, и эти измѣненія передаются виду, какъ и другія морфологическія измѣненія.

«Пѣвчій дроздъ по красотѣ, разнообразію и звучности своей пѣсни занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ хорѣ нашихъ лѣсныхъ пѣвцовъ», говоритъ г. Быковъ. «Передать его пѣсню словами почти невозможно, такъ какъ, благодаря способности совершенствоваться, чуть-ли не каждый самецъ имѣетъ свои собственныя варіаціи, а нѣкоторыя (вѣроятно, старыя особи) доходятъ прямо-таки до виртуозности, разнообразя свою пѣсню цѣлымъ рядомъ чрезвычайно красивыхъ флейтовыхъ строфъ, которыхъ не услышишь у другихъ самцовъ». Здѣсь одинъ и тотъ же видъ птицъ представляетъ, какъ видимъ, большое разнообразіе индивидуальностей. Индивидуализацію видовую находимъ въ другомъ случаѣ, описанномъ тѣмъ-же изслѣдователемъ: «пѣсня *Acrocephalus scirpaceus* (камышевки тростниковой) во многомъ зависитъ отъ условій ея гнѣздовой станціи и отъ совмѣстнаго сожителства, такимъ образомъ, съ родственными видами. Тамъ, гдѣ она живетъ вмѣстѣ съ дроздовидной камышевкой, пѣсня ея вполне

подходить къ описанію, данному В. К. Тарановскимъ (т. е. въ ней сказывается подражаніе дроздовидной камышевки); въ небольшихъ заросляхъ, гдѣ дроздовидной камышевки нѣтъ, а наоборотъ очень часто попадаетъ болотная, она по складу пѣсни нѣсколько приближается къ своей болѣе талантливой родственницѣ и, наконецъ, въ мѣстахъ, гдѣ сталкиваются всѣ три вида, опять замѣтно преобладающее вліяніе *Acrocerphalus turdoides*».

Это наблюденіе очень цѣнно: оно показываетъ, что произвольное подчиненіе болѣе сильному, ловкому и способному, которое такъ замѣтно среди дѣтей (ср. Compté Evolution. 185), является источникомъ усовершенствованія и въ мірѣ животныхъ. Если въ группѣ грудныхъ дѣтей одно закричитъ, то въ ту силу звуковой заразительности къ нему постепенно присоединятся и остальные; такъ и среди птицъ: тѣ особи, которыя обладаютъ наибольшей степенью инициативы, дѣятельность которыхъ наиболѣе бросается въ глаза остальнымъ, становятся образцами для инстинктивнаго подражанія этихъ послѣднихъ. Этотъ общій законъ, внося разнообразіе и въ психическую жизнь животныхъ организмовъ, является основнымъ факторомъ ея прогресса. Особенности птичьяго пѣнія вырабатываются такимъ образомъ внѣ всякаго участія сознательности въ постановкѣ цѣли.

Изъ всего того, что мы говорили о пѣніи птицъ, вытекаетъ тотъ выводъ, что оно является лишь инстинктивнымъ разрѣшеніемъ аффекта, и что развитіе психики птицы и ея пѣсни не идетъ параллельно. Пѣсня соловья, «рыдающаго надъ розой», кажется намъ воплощеніемъ глубокаго, нѣжнаго и страстнаго чувства, тогда какъ воробей только щебечетъ, но чувства, одушевляющія обоихъ, вѣроятно, одни и тѣ-же, и каждый изъ нихъ находитъ

одинаковое удовлетвореніе въ ихъ разрѣшеніи въ звукахъ. Впрочемъ, самыя чувства должны быть такъ элементарны и должны такъ опредѣленно окрашиваться въ краски пріятности или непріятности, что сложной въ человѣческомъ смыслѣ пѣснью нечего было-бы и передать. Природа надѣлила одну птицу яркимъ опереніемъ, другую силою полета и зрѣнія, третью энергіею и подвижностью, четвертую звонкимъ голосомъ и т. п.; всѣ эти дары природы служатъ одной цѣли, сохраненію вида, и стоятъ, какъ морфологическіе признаки, на одной ступени. Разница лишь въ томъ, что путемъ подражанія птица не измѣнитъ своего оперенія, не улучшитъ своего зрѣнія, но свою манеру пѣть она можетъ обогатить и украсить, поскольку это позволитъ инстинктъ. Такимъ образомъ сходство между человѣческимъ и птичьимъ пѣніемъ пріобрѣтаетъ новые признаки, но все-таки оно не переходитъ за предѣлы чисто физиологическаго сходства: подражая, птица не знаетъ, зачѣмъ она дѣлаетъ это; выводя нѣжную мелодію, птица не сознаетъ ея красоты, хотя ей пріятно пѣть, какъ и воробью щебетать.

То-же видимъ въ мірѣ млекопитающихъ. Тѣмъ видамъ мышей, которые поютъ довольно сложныя мелодіи, мы не можемъ приписать болѣе сложныхъ чувствъ, чѣмъ видамъ непоющимъ (Groos. 277 — 278). Изъ обезьянъ обладаютъ наибольшей музыкальностью гиббоны, пѣсня которыхъ состоитъ изъ хроматическихъ гаммъ (De Varigny. 50) и сложной системы звуковъ, которую изъ музыкальныхъ инструментовъ легче всего воспроизвести на скрипкѣ (Groos. 277). Однако ни чувства, ни умственный строй гиббоновъ, насколько извѣстно, не сложнѣе, чѣмъ у другихъ высшихъ видовъ обезьянъ.

Мы разсмотрѣли основныя особенности духовной жизни

низшихъ животныхъ и тѣ явленія, которыя группируются подъ названіемъ ихъ языка. Теперь мы должны отвѣтить на вопросъ, поставленный въ заголовкѣ этой статьи, почему животныя не говорятъ?

Они не говорятъ потому, что внутренней жизни у нихъ собственно нѣтъ, что чувства, у нихъ возникающія, выражаются непосредственно въ дѣйствіяхъ, или другими словами потому, что безразличныхъ въ смыслѣ пріятности представленій животное не знаетъ; познаніе ради познанія — привиллегія человѣка. Находясь въ состояніи полусна или подчиняясь непроизвольному теченію представленій, животное не мыслить, не анализируетъ явленій, не опредѣляетъ своего я. Тамъ, гдѣ нѣтъ анализа, — нѣтъ понятій и нѣтъ языка.
